

Игорь
Белисов

Скорпионья сага

КОРПИОН

АМКИ

Вы можете начать с любого конца...

Игорь Белисов

Скорпионья сага.

Скорпион самки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18473516
Скорпионья сага: Скорпион самки»: Э.ПА; Москва; 2015
ISBN 978-5-000391-81-5

Аннотация

Игорь Белисов, автор элегического «Счастье неизбежно», продолжает раскрываться как последовательный лирик. Его главная тема – отношения между женщиной и мужчиной.

«Скорпион самки» – это мужчина глазами женщины.

Возможно ли найти суженого на всю жизнь? Где он, настоящий и безупречный? И как самой, в эпоху утвердившегося равноправия полов, не потерять своего природного предназначения? Сквозь трагифарсовую интонацию повествования проступает драма современных мужчины и женщины, как сквозь суету дурманных слов и одуряющих дел проявляется единственное, что действительно важно – Любовь и Смерть.

Содержание

Слова	5
1	5
2	19
3	26
4	33
5	40
6	53
7	63
8	76
9	83
10	91
11	100
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Игорь Белисов

Скорпионья сага.

Скорпион самки

© Белисов И. 2015

* * *

*Положи меня, как печать, на сердце твое,
как перстень, на руку твою:
ибо крепка, как смерть, любовь;
лута, как преисподняя, ревность...*

Песнь Песней 8:6

Обстоятельства книги имеют к автору столь же малое отношение, что и Землепашец к природе.

Слова

1

Все это не должно было случиться.

Он изначально меня не понимал.

Мы слишком разные. Я – женщина, он – мужчина. Не в этом дело. Сами звезды настроены против нас. Он – Скорпион по гороскопу. А я – Стрелец. Два смежных знака, вода и огонь, не лучшая комбинация. И все же, мы почему-то встретились. Наверное, чтоб меня извести.

И так всю жизнь.

Похоже, он не очень-то мной дорожит. И как будто норовит ускользнуть. Вряд ли со зла. Скорее, общая леность жизни. Словно женщина для него – так, одно из явлений, не самое важное, не очень-то и хотелось, не он первый, якобы, начинал. Позже я убедилась: это в духе членистоногих – не покоряться до последней возможности. Конечно, не все они – скорпионы.

Но неужели, все мужчины – самцы?

В конце концов, он пригласил меня на свидание.

До этого кривлялся только. Пытался шутить. Все шуточки – про зверей, да про зоопарк. Кажется, он на этом повернут.

Псих. Думает, если я – девушка из провинции, то не нужно меня принимать всерьез. Я не стала разубеждать. Пусть считает себя самым умным. Только все равно вышло по-моему. Из всех мест, что он предлагал, я выбрала Парк Культуры. Потому что это находится на моей ветке. В метро я ориентировалась, а выйдя в незнакомом месте, могла заблудиться. Хотя жила здесь вот уж второй год. Ну не могла же я признать себя душой. Перед ним. Тем более что я – не дура.

Когда собиралась, помада выскользнула и закатилась. Пока доставала, вся извалялась в пыли. Намыливая руки, забрызгала кофточку. Прикинув другую, вспомнила о зиме. Оделась потеплей. Вышло нечто среднее между Снегурочкой и Дедом Морозом. Все раскидала. Выбрала поизящней. Куртка из «Польской моды». Сапоги из «Лейпцига», на шпильках, демисезонные. Цвета не сочетались. Хотелось плакать. Тушь для ресниц стоила четверть стипендии. Часы не шли, а кололи в самое сердце каждым дерганием секундной стрелки.

Выяснилось, что метро «Парк Культуры» и подлинный парк – не совсем одно и то же место в реальности. Подсказал молодой человек, симпатичный, лица не помню, вскинул руку в том направлении, и я побежала. Ревели машины. Тросы моста подвывали. Встречный ветер трепал и жалил. Я частила на шпильках, боясь поскользнуться. За рекой виднелось обледенелое чертово колесо.

Похоже, здесь. Храмовая колоннада с барьерчиками тур-

никетов. Уточнила у билетерши. Да, это парк, сказала тетка, но не сезон. А у самой в руках цветы. Бред какой-то. Мои шпильки не подвели, только ноги успели подмерзнуть. Часы на столбе – опоздала на пятнадцать минут. Не так уж и много для девушки. Конечно, если он – настоящий. Оглянулась по сторонам. Гордо так поворачивалась.

Его нигде не было...

Вас когда-нибудь жалил скорпион?

Я не о той истории – девической, глупой. Я всерьез.

Жало скорпиона когда-нибудь пронзало вас лично?

Представьте: вы – женщина, приходите домой. Никого нет. Тишина. Вы устали. Возраст не при чем, просто, большой город, столица. Вы раздеваетесь: что-то скидываете в прихожей, что-то в гостиной, что-то вообще не помня где, и прежде чем заставить себя влезть под душ, валитесь на кровать. Двухспальную, супружескую, пустую. Все, что, возможно, было до того, не имеет значения. Как говорил мой знакомый психиатр, всякое значение – лишь бред значения. Вы желаете одного – забыться.

И тут случается это.

Вы вскакиваете, как ужаленная – что за чушь, без всяких «как»! – вы ужалены, в самом деле, моментально осознаете всю нелепость, некрасивость, неприятность, непоправимость...

Там, где только что отпечатались вы, чернеет на простыни

гаденькое чудовище.

А теперь представьте: вы кое-что понимаете в скорпионах. Вполне достаточно, чтобы знать, к примеру, о скорпионе тунисском: на его счету девяносто процентов всех летальных исходов. Вы не уверены, что это именно он. Но даже если ужалил кавказец или азиат, вряд ли запрыгаете от восторга. Во-первых, это, прежде всего, больно. Во-вторых, очень-очень больно. И в-третьих, это настолько страшно, насколько вообще может хотеться еще пожить.

В данном случае смерть не приходит мгновенно. Ее приближение будет растянуто на часы. Вы последовательно пройдете через все стадии – от покраснения кожи до финального помутнения мысли.

Смешно, но это правда: карусель, мельканье картинок, вся ваша жизнь проносится перед глазами.

Смешного мало: единственный, кто может вам помочь – тот, из-за кого вы умираете...

Познакомились мы с ним еще студентами. Зимние каникулы, 1990 год.

Сама я из Новгорода. Поступила в столичный институт. Жила в общежитии. А после каждой сессии была обязана приезжать домой. Так хотела мама. Она переживала, тосковала. Что мне оставалось делать? Если честно, я по дому не очень скучала.

Там жили сестрица и мамин муж, мой отчим.

Папа нас бросил, когда я пошла в школу. Связался с какой-то девицей и сгинул. То есть, он где-то теоретически существовал, о чем свидетельствовало поступление алиментов на мамину сберкнижку. Но с нами он больше не общался. Когда мне исполнилось восемнадцать, прекратились и алименты. Мама вышла замуж спустя месяц после ухода папы. Через год появилась сестрица. Я не хочу сказать худого про маму, но мне очень трудно поверить, что новый муж может созреть в столь рекордный срок. Сестрица родилась недоношенной, много болела. Мама выматывалась и злилась. Отчим ходил на работу. Поначалу он проявлял энтузиазм по поводу нашей семьи. Вскоре загрустил. Потом начал пить.

Последние годы школы вспоминаются как сплошная тоска, из которой жизненно необходимо вырваться. Моим будущим не занимался никто. Рассчитывать я могла только на себя. Пока сверстницы шлялись на танцы, я монашкой сидела дома, пока отваливались в ПТУ, я зубрила учебники, пока теряли девственность, я посещала подготовительные курсы, пока выскакивали замуж, я изучала справочник для поступающих в ВУЗ ы.

В результате я сделала это. Поступила в медицинский. Сама! И не где-нибудь, а в столице. Вот так! Правда, не на лечебный, а только на фармацевтический. Недобрала баллов. Зато, познакомилась там с Анютой.

Каковы же были удивление и восторг, когда выяснилось, что мы с Анютой – землячки. Само собой, тут же стали по-

другами. Удвоив усилия, выбили комнату на двоих. Мы вместе учились, вместе проживали в общежитии, вместе ездили на каникулы. Мы были производной одной провинции, замкнутой на себя. Перешли на второй курс, но столица раскрыться нам медлила.

Тогда-то мне и подвернулись эти путевки.

Был такой поезд, студенческий туристический. Он выходил из столицы, шел по разным городам и возвращался в столицу. Первым пунктом маршрута стоял ни много, ни мало, мой Новгород. Я вдруг поняла, что рождена путешествовать.

Подбила Анюту. Она не хотела, но я-то настойчивая. Такой шанс: взять путевки, заранее съездить домой, повидаться с кем нужно, нанести все визиты, раздать все гостинцы, а когда поезд прибудет в наш город – подсесть. Аня поартачилась да сдалась.

И мы с ней рванули...

Едва войдя в поезд, я тут же увидела его. Но что это – именно он, осознала не сразу. Их было двое – он, и еще один парень, шустрый такой парнишка, все вертелся, подмигивал, в тот же день подкатил к нам знакомиться: Кеша. Терпеть не могу наглых, хотя... Анюте Кеша тоже понравился.

Кешин товарищ интереса к нам не выказывал.

Шел второй день нашего путешествия. Мы осматривали кремль города Пскова, в группе туристов держась уже как бы нас четверо. Кеша хохмил, сам веселился и зажигательно

развлекал нас – а он брел, отстранившись в загадочной меланхолии. Помню, было так холодно, дул ветер с реки, летел мокрый прилипчивый снег. Я поеживалась, пытаюсь спрятаться в воротник. Анюта с Кешей ушли немного вперед. Я отстала. Сама не знаю, зачем.

Он поравнялся и навязал мне свой шарф.

Я поблагодарила. Начали разговаривать. Так, ни о чем, дежурная вежливость. Он строил фразы сдержанно, интеллигентно. Сразу видать – из приличных. И как будто меня побаивается. Глядя вдаль, он изредка на меня косился, но этих мгновений было достаточно. В глубине его глаз мерцал мутный испуг.

Похоже, это меня и привлекло – его передо мной страх.

К Питеру мы катили уже в одном купе. В Таллинне он не отходил ни на шаг. В Риге начал пошучивать, в Каунасе чертыхаться, в Вильнюсе нудить. А в Калининграде – вручил мне найденный на взморье янтарь. Последним был город Брест. На подъезде Анюта призналась: ей нравится Кеша. Что, если она с ним... Я выдохнула: валяй. Подруга и друг удалились осматривать Брестскую крепость. В купе мы остались вдвоем, я и он.

У него на шее пульсировала жилка. А уж как у меня колотилось сердце, жуть! Ведь я была девушкой! Поезд дрогнул, залязгал и медленно покатил. Состав до вечера отогнали в тупик.

Не помню, как началось, мы долго молчали, боясь шевель-

нуться. Неожиданно я почувствовала – целуемся. Никогда не думала, что целоваться так сладко. Мой первый, мой сладкий. Я, задыхаясь, шептала:

– Ты мой сладкий... Сладкий... Сладулька...

Позже, когда состав подали к перрону, и мы сидели, будто ничего не произошло, по углам, я полюбопытствовала, кто он по зодиаку. Сладулька не знал. Я удивилась. Он не представлял, зачем ему это знать. Тогда я спросила, какого числа он родился. Ответил запросто, безо всякой рисовки. Похоже, ему было безразлично, какие из звезд очертили его судьбу. Я глянула гороскоп.

Выяснилось – Скорпион.

Может, и правда не знал. Астрология в то далекое время не имела такой популярности, как сегодня. Я, например, тоже не интересовалась, пока меня не приобщила Анюта. У нее была книга, называлась «Звезды судьбы». Еще в общаге я начала книгу полистывать. Меня зацепила первая фраза:

Окружающий мир подает нам знаки. Сложность в том, чтобы правильно их прочесть...

Я взяла эту книгу в дорогу. На случай, если будет скучно. Не подозревая, что скучать не придется, и уж совсем не предполагая, что собрание гороскопов так нешуточно пригодится...

СКОРПИОН. 23 октября-21 ноября.

Холодный флегматичный женский ночной фиксированный северный водный знак. Имеет двойное значение. Ночное: жалит каждого, кто его коснется. Дневное: воплощает самоотверженную жертвенность.

Графема знака – слияние орла и змея. Ядовитый змей периодически меняет кожу. Зоркий орел может, не мигая, взирать на солнце. Считается, что Скорпион – единственный, кто способен посмотреть в глаза Богу.

Скорпион – наиболее глубокий из астрологических знаков. В его характере сочетаются интуиция и трезвый ум. Это оторванные от мира люди с сильно развитой волей, мистически одаренные и способные видеть то, что другим недоступно.

Внешность, как правило, у Скорпиона неброская. Но устоять перед ним невозможно. Скорпион обладает внутренней притягательностью, магической по природе и колдовской по влиянию. Символ знака – «m» со стрелой вверх на конце. Еврейская буква «нун». Число – 14. Карта Таро – смерть...

Ну и типчик. От такого нужно держаться подальше. Это я так подумала, но сердце стучало другое: поздно. Оставалось взглянуть, что уготовили холодные равнодушные звезды для комбинации Скорпиона со Стрельцом, то есть, со мной...

Скорпион не совместим ни с кем в принципе! Его кредо: не тронь меня, и я тебя не трону. Но если душевный покой на вас навеивает тоску, и вы стремитесь к яркой, насыщенной жизни – рискните. Если не страшно.

СКОРПИОН – СТРЕЛЕЦ.

Стихия воды Скорпиона и стихия огня Стрельца – изначально конфликтное сочетание. Огонь испаряет воду, вода гасит огонь. Тут уж или ты, или тебя. С другой стороны, объединив энергию двух стихий, эта пара может сокрушить любые преграды и добиться любой цели.

Нетерпеливый Стрелец движется от чувственного начала, через обретение свободы, к осмыслению мира. Сдержанный Скорпион втайне ждет воспламенения чувств, которые выведут его из векового транса мудрости. Однако ему не нравится своевольное поведение партнера, а того пугает малопонятная душа избранника.

«Эмоциональная жизнь» для этой пары – слишком мягкое выражение. Речь будет идти о страстях...

Был вечер последнего дня путешествия. Мы стояли в коридоре вагона, глядя в окно. Наши локти соприкасались. Мимо шатались пьяные. Летел черный лес, неподвижно висели хрусталики звезд.

Завтра поезд прибудет в столицу – и всё, на этом конец. Хорошо бы расстаться легко, без особых прощаний. Вообще без слов обойтись. Просто махнуть ладошкой.

От этой мысли больно сжимало горло.

Наконец, я сказала, что мы с ним несовместимы. Никак. Почему-почему... По знакам зодиака. Сами звезды настроены против нас. Он внимательно на меня посмотрел, затем в окно, сморщив лоб, и сквозь грусть усмехнулся:

– Глупости это всё, не верь... Люди встречаются и расстаются по зову сердец... А зодиак? Что такое созвездие? Так, случайное сочетание звезд.

Я против воли тоже усмехнулась: ишь, какой умный... Он вдруг нырнул в купе и появился с книгой в руке. Пояснил, что взял книгу в дорогу, чтобы со скуки читать, да так и не довелось. Называлась та книга «Маленький принц».

Начал мне вслух читать. Последние пьяные улеглись, свет притух, а мы всё торчали на откидных сидuşках в пустом коридоре. Когда он добрался до слов кульминации «мы в ответе за тех, кого приручили», его голос дрожал, и глаза блестели. Я сглотнула комок: какой добрый...

Утром о расставании уже речь не шла. Договорились держать связь с помощью телефона. Простились легко, с перспективой. Целую неделю я промаялась в ожидании дня, когда мы свидимся, и у нас продолжится.

День настал. Комната общаги воздушно всплывала к седьмому небу, пока я кружила, готовясь к свиданию, перебирая одежду, вертясь перед зеркалом в бесконечной примерке, слегка опаздывая, суется, фантазируя, закатывая глаза, мечтательно напевая: ты мой добрый, мой умный, мой слад-

кий...

Он не пришел.

Я поняла, что это конец.

Прождала час. Ноги замерзли, сочилось из носа. Надежда таяла, текла – и вся вытекла. По щекам потекло тоже.

Мне он не позвонит. Никогда. Потому что некуда. Наша связь – билет в одну сторону. Из общаги-то на связь выходила я, по таксофону, роняя копейки. Но он не пришел. И значит, всё кончено.

А если не смог? Внезапная проблема, заболел, свалился кирпич – да мало какие бывают обстоятельства в жизни... А если передумал? Нет-нет, выяснять я не стану. Нет. Или что: девичья гордость – пустые слова?

В метро перепутала и села не в том направлении. Опомнилась, когда проехала две станции. Переходя на противоположную сторону платформы, вдруг замедлила шаг. Возникла смутная мысль... Он говорил о зоопарке. Вроде, удобно, потому что ему рядом... Наваждение вызревало... Спросила у первого встречного, как добраться до зоопарка. Тот улыбочиво вытянул вверх указательный палец. Меня бросило в жар: выходить здесь. Вот так случайность!

До сих пор не пойму, какая беда мною двигала. Купила билет, учащимся – скидка. Народу было немного. Животных – еще меньше. Все попрятались по закуткам вольеров. Я плутала по обледенелым дорожкам в проталинах грубой соли.

В одном месте, через ров, заметила бурое шевеление. Пахнуло тоской и зверем. Медведь. В другом – заиндевелые лани, сбившись в кучу, глядели сквозь прутья ограды. По черному пруду плавали серые птицы, разных видов, с одним общим унынием. И чему он так потешался, нахваливая зоопарк? Ничего смешного. Холод и жуть.

Куда теперь? В общагу, утирать сопли. Оставалось спуститься в метро. Неожиданно мое внимание привлекло здание, странным образом до сих пор не замеченное. Серая громада, чудище, город в городе. Здание миражом выплывало из пелены опадавшего снега, его основание составляло отдельный квартал, а вершина со шпилем пронзала небо и там растворялась. Это было одно из величественных строений, которые виднелись иногда вдали над контуром города. Я потянулась к этой громаде. Провинциальное любопытство: второй год здесь, а столицы почти не видала.

С трудом одолела на шпильках брусчатку проезжей части. Зацокала по ступеням, было скользко, но я-таки взобралась. Обогнула очередь на углу, гастроном, что-то давали, люди волновались, бурчали и гомонили. Дальше тянулась тишь.

Похоже, я брежу...

Чему удивляться, продрогла, температура, подумала я, увидев галлюцинацию.

Я увидела его...

Он стоял у подъезда. Как настоящий. В характерной своей меланхолии глядя вдаль. Вот достал сигареты, зажигалку,

сейчас закурит.

Медленно поднял глаза на меня.

Я сделала шаг. Он – навстречу. Я остановилась. Под его ногами снег продолжил хрустеть – и тоже замолк. Не сводя с меня глаз, он вытряхнул сигарету, щелкнул, втянул огонек, вдумчиво выдохнул. До меня доплыл и дурманно накрыл запах дыма.

Позже, когда мы сбросим оцепенение, и отголосит истерика первой радости, он захлеб мне расскажет, как перепутал время свидания и приперся на два часа раньше... А сейчас он курил, ошарашенно на меня уставившись. Докурив, взялся курить новую. У меня тоже все слова куда-то исчезли. Он закашлялся, отшвырнул сигарету.

Мы упали в объятия.

Начали встречаться.

Февраль, март. Потекло и подсохло. Застыло в томлении ожидания нового. Вот-вот должна была хлынуть всерьез весна. Ничего не происходило...

В апреле я пригласила его к себе.

Мы успели в достаточной степени познакомиться. Он жил в доме со шпилем, учился в университете, готовился стать биологом. Я поведала про общагу и про то, что привыкла рассчитывать на себя. Он водил меня в кино, угощал мороженым и витиевато рассуждал обо всем. Кроме одного. Это слегка беспокоило.

Ведь тогда, в поезде, мы целовались – и только.

Да, ждала большего. Чего? Того самого. О чем мечтает всякая девушка. С той поры как осознает двуполость мира, и особенно, как почувствует себя женщиной.

Насчет последнего, приврала. Женщиной я пока не стала. В том смысле, о котором подружки то и дело активно сплетничали, чем хвалились, чему завидовали, над чем потешались, о чем сквернословили и распространялись в самых сальных подробностях. Секс... Это популярное развлечение оставалось для меня таинственным словом. Колочим и сладким. Простым и непостижимым. Бурная жизнь общаги все чаще мне намекала на задержку в моем развитии.

Анюта, к примеру, давно с парнями спала. Периодически мне приходилось ночевать у знакомых, а наутро видеть ее довольный румянец и задорные лучики глаз. Рассказывали, будто однажды моя подруга отдалась за губную помаду. Хорошая косметика в то время стоила жуткие деньги. В общаге, помимо своих, жили студенты из дружественных стран. Многие промышляли фарцовкой. Анюта и впрямь красила губы иностранной помадой.

Я не верила рассказням. Мало чего болтают. Смущало другое: ни у Анюты, ни у прочих, не было постоянного парня. Вот и мама внушала, провожая меня в столицу: «Будь с мужчинами осторожна. Им от тебя нужно только одно»...

Тем не менее, в кругу моих сверстниц считалось нормой утратить невинность еще в школьные годы. Наверное, треп. Однако не имевшие сексуального опыта становились мишенями для едких насмешек. Если бы я призналась, что на втором курсе всё еще остаюсь девственницей, меня бы точно сочли ущербной.

Странно, я не испытывала потребности именно в сексе. Хотелось близости. Да. Но не абы с кем. Наконец-то в моей жизни появился единственный человек, с кем я могла бы попытаться преодолеть отчуждение. Сладулька... Он все медлил. Не знаю, возможно, робел. Пришлось мне взять инициативу в свои руки.

Сейчас я уверена: между нами возникла любовь.

Но той далекой весной я, дуреха, готовилась к сексу.

Вот что я вычитала в Анютиной книге накануне решающего испытания...

СКОРПИОН – признанный властелин сексуальной энергии. Под этим знаком рождаются самые сексуальные личности. Символизирует змея-искусителя, толкнувшего человека на путь познания в неведомый дивный мир.

Секс для Скорпиона – средство постижения жизни, ее преодоления и власти над ней. Партнера он изучает с головы до пят и проникает в самые затаенные закоулки души. Животные инстинкты в нем сильны чрезвычайно. Он ищет того, кто способен разделить его страсть. Если объект не соответствует желаемому, Скорпион бывает жесток, доводя обладание до грани насилия.

Натура двойственная, Скорпион как никто разделяет секс и любовь. В то же время, секс без любви для него невозможен. Он тонко чувствует фальшь, и малейшая неискренность его ранит. Слияние тел без слияния душ скорпиону претит. Занятие сексом для него тождественно растворению в любви, и если уж это случилось, он отдает себя без остатка.

Ночь со скорпионом – незабываемое событие, стоящее того, чтоб его пережить...

Мы остались вдвоем. Аня ушла, многозначительно вращая глазами. На столе – опустошенная бутылка шампан-

ского. Крошки торта. Посуда из столовки. Электрочайник с оплавленным шнуром.

И его руки, переплетенные, хрустящие пальцами.

Не представляла, что делать, куда себя деть, как вести. Мысли путались. Тело стало ватным и влажным. В груди громыхало, сбивая дыхание, толкая горло, отдаваясь в висках.

Его ладони разомкнулись и оперлись о стол.

Через откинутую фрамугу с прохладцей гулял сквозняк. Слышались голоса. Люди, птицы, автобусы, город. Все слишком явно, неприкрыто, еще не ночь, подумала я. Подняла глаза.

Он стоял совсем рядом.

Начал говорить мне, шептать. Какие-то слова. Я слышала всё, но не осознавала. Просто набор звуков. Я понимала, эти звуки пытаются меня приласкать, но так напряглась, что умом оглохла. Коснулся, схватил, сжал. Я сделала то же самое. Губы, скользкие, жаркие. Накурился, до горечи. Вместе поднялись, балансируя, кренясь, легли на кровать, распластались, завозились, заползали. Его руки меня ощупывали, мяли, тискали. Я, как могла, поддавалась, ничему не препятствуя. Одежда вросла, не желала отлипнуть. Он торопился, грубел, что-то треснуло, отлетело, шлепнуло. Запахло им, запахло мной, перемешалось, полезло в нос, проникло в мозг, заволокло, накрыло хмелем. Он извивался, переползал, дышал, сопел, лизал, елозил, и все что-то делал, что-то пытался, что-то прилаживал...

И вдруг отвалился прочь.

Я не сразу поняла, что случилось. Только почувствовала, как окатил и проник внутрь меня холод. Сжала ноги. Нашупала край одеяла. Наконец-то очнулась.

Увидала его голую спину.

Осторожно дотронулась. Он передернул плечами. Только теперь до меня дошли весь ужас и стыд. Всё, всё, что происходило до этого момента, сулило позор... Я расклеила губы:

– Ты в первый раз... в постели... с женщиной?..

Он молчал. Словно решал трудную задачу, прежде чем выдавил простое «да»...

– И у меня никого не было...

Опять молчанка. Долгие секунды. Возможно, минуты. И – сиплое «прости»...

Неужели, оно? Разочарование. Случалось со мной. Так долго ждать, искать, готовиться – и ничего, ноль. Второй курс. Анюта. Девчонки со своими историями. Мама с дурацким опасением за неизвестно что. И еще эта книжка, пропади она пропадом, «Звезды судьбы»: самый сексуальный знак, незабываемая ночь... Какой бред...

А может, дело во мне?

От одной только мысли, что я могла его чем-нибудь в себе отвратить, по всему телу заплясали дождем ледяные иголки. Я закуталась в одеяло. Легче не становилось. Прилило к лицу. Затуманилось и померкло. Еще немного, и я разрыдаюсь.

Он лежал неприкрыт. Я видела родинки, озябшую кожу.

Он живой, настоящий. И так одинок. Как и я, как и все. Неужели мы зря друг к другу приблизились, и придется расстаться? Неужели все упирается только в секс?

– Давай, просто прижмемся...

Повернулся. Мы обнялись. Пригрелись, приклеились. Как это славно – ни к чему не принуждать себя, просто быть вместе. Ткнулись губами. Слепо, интуитивно. Он вдруг зажегся и запылал, быстро налился упругой силой и нежностью. Я почувствовала, что куда-то плыву, уплываю, теряя рассудок.

Он стал моим.

Ну а секс? Ничего особенного. Всего лишь немного больно.

Счастливые часов не замечают. Я в этом убедилась на собственном опыте. Каждая встреча пролетала мгновенно, затем вприпрыжку неслась пустая неделя – и очередное свидание перелистывало календарь.

Я не заметила, как миновал год.

Обычно мы встречались с ним в центре. Он снисходительно показывал мне столицу. Домой не приглашал. Я не набивалась. Мотали километры, попутно целуясь. Нацеловавшись до нетерпения, ехали ко мне.

В общаге он быстро освоился. Анята предложила сделать еще один ключ. У нее с Кешей, как она ни старалась, ничего не сложилось, и она чрезмерно теперь радовалась за нас. Нет-нет, да заглядывали другие девчонки с надуманным по-

водом чисто бабьего любопытства: «Ну, как он?». В их глазах искрила черная зависть. Я подпускала туману: «Словами не передать!».

Все было хорошо. Пока я не обнаружила, что наша идиллия что-то перестает мне нравиться. Свидания повторялись стабильно, как под копирку. Копии выходили все бледней. Впервые меня кольнула легкая паника: «Неужели, это – всё? Быть не может!». Я поделилась со Сладулькой. Он, как всегда, улыбнулся: «У нас есть любовь. Разве для счастья нужно что-то еще?».

Понимаю, необременительный досуг его устраивал. Мне же все чаще мнилось, наша романтика небесконечна. Сладулька был моим первым любовным опытом, но я словно знала врожденным знанием женщины: если он не созреет для более серьезных отношений, я его потеряю. Во мне вызревало неблагополучие. Настроение меркло, расстроился сон, пропал аппетит. Чувствовала, как уходят из меня силы. Вот и Анята обеспокоилась, что я раньше цвела, а теперь на глазах сохну.

Замечал ли он мое состояние? Не знаю. Сам-то он выглядел вполне счастливо. А время шло. Мы уже год как встречались, регулярно занимались сногшибательным сексом, он разглагольствовал о любви, но ничего менять, похоже, не собирался.

– Так дальше продолжаться не может, надо что-то решать!

Эти слова вырвались из меня внезапно. Мы в очередной раз гуляли. И вдруг я отчаянно крикнула. Мне показалось, оглянулся весь город.

В самом центре застыл он.

Его глаза почернели, зрачки страшно расширились, и там, в глубине, в затаенности, я видела отражение моего собственного тупика. Неожиданность и готовность. Доступность и отчужденность. Хроническое вождение и привычная уже скука. Тепло любви и остывающий пепел перегоревшего притяжения. Бесконечная преданность и острое нежелание оказаться жертвой. Вокруг шипело, ревело, повизгивало, трепетало, слепило. Пешеходы, машины, блики, ватные облака, ярко-синее небо. Все двигалось, перемещалось, само по себе и куда-то толкая нас.

Он не шевелился: посреди столицы – ошарашенное существо.

Минуту назад он преподнес мне подарок. На годовщину любви. Весьма любезно с его стороны, но я-то ждала иного. Грезилось, что за подарком последует важный, решающий разговор. Не дождалась. Он вручил коробочку и тем отделался.

Тут-то меня прорвало...

Я помню об этом всю жизнь. Ладони вспотели, сжимая подачку. Духи «Красная Москва». Апрель 91-го...

Если честно, к тому разговору я втайне готовилась. Посмотрела свой гороскоп. Ничего конкретного не нашла: решительность, целеустремленность, огненная стрела, пронзающая круг...

Куда важнее было осознать, что написано про него...

СКОРПИОН относится к браку неоднозначно. Его натура собственника требует поглощения объекта любви. Однако сам он исключительно независим, и требуется большое искусство, чтобы привязать к себе этого сумрачного индивидуалиста.

Следует помнить, Скорпион любит не конкретного человека, а свою мечту о любви. Чем ближе вы подойдете, тем с большей вероятностью он разочаруется в вас. Мечта должна быть недостижима, Скорпион будет страдать и, значит, стремиться. Чтобы он стал по настоящему вашим, оставайтесь на виду, но в некотором отдалении.

Не спрашивайте, что он думает о семейных узах. Его стандартный ответ: «Женитьба – могила любви». Если проявите назойливость, он может ответить жестокостью, с демонстративным удовольствием издеваясь над вами. Жаловаться не стоит. Он скажет: «Я тебя не держу». Лучше прикиньтесь, будто вы ускользаете. Являясь хищником, он инстинктивно

не упустит добычи. Скорпион никогда не сдаётся. Он всегда побеждает.

Оставьте ему эту иллюзию...

Через неделю он сделал мне предложение.

К руке и сердцу прилагалась судьба перспективного юноши, плюс отныне и впредь моя прописка в столице. Дом со шпилем распахнул свои двери. Я ступила внутрь, замирая от ужаса.

Он меня подготовил, но как ни готовься, все равно это шок: чужие люди, тем более – семья профессуры. Студентка другого вуза, иногородняя, без рода без племени, под их разглядыванием я ощутила себя крохотным насекомым. Его отец, доктор биологии, кружил с чрезмерной предупредительностью, принимая куртку, подавая тапочки, пытаясь шутить. Мать, ходячая книга, чеканила фразы изысканной вежливости, с намеком на афоризмы, каких я в жизни своей не слыхивала. Даже Сладулька сделался чопорным гидом музея, знакомя с экспозицией невиданного мною быта – вроде картин, домашнего сада, видеоманитфона, микроволновой печи, библиотеки в гостиной или биде в ванной комнате.

Мне предстояло здесь жить. Сосало желудок. Хозяева, похоже, нервничали не меньше: старались держаться попроще, а сами как проглотили по лому. Так и не расслабившись, назначили свадьбу на май...

Потянулся мучительный месяц. Мы виделись на бегу. Свидания обрели невротическую деловитость. Магазин «Гименей», талоны по благу отца, золотые колечки, костюм жениха, платье невесты. Очереди. Суета. Мои звонки. Его сучковатость. Главный удар по карману великодушно приняли его родители. *Я* поняла слово «бесприданница».

И судорога мысли: а вдруг, все отменится?..

Накануне свадьбы приехали мои. Делегация. Ночевали в общежитии, сдвинув кровати, девочки потеснились. Отчим с вечера начал. Мама шипела. Родственники балагурили. К полуночи весь этаж отплясывал. Только сестрица моя сидела совсем безучастно, поздний ребенок запоздалой любви, то ли взмывая к дебиловатым фантазиям, то ли ныряя в реальность, где ее зачали по нетрезвой страсти.

Утро выдалось хмурым. Накрапывало. Подташнивало. Кто-то весело брякнул, что дождь, это к счастью. Начавшие вчера, продолжили. Таксофон сломался. *Я* себе казалась пугалом, ряженым в тюль.

И опять дурнотная жуть: а вдруг?..

Они появились. Гудели, сверкали. Вся общежития прильнула к окнам. Хлынули слезы, мы обнялись, заголосили: девочки, я, мама, сестрица. Вошел жених, за ним толпа. Цветы, шампанское. Потоптались, двинули к выходу.

Уже от машины Аня вернулась: что-то забыла взять.

Тронулись. Общежития поплыла в прошлое. Навстречу резво разогналась столица. *Я* сдвинула форточку. *Я* задышалась от

восторга, от шального прилива сил. Свершилось! Дождь перестал. Просветлело. Вспыхнуло солнце.

Слева сидел Сладулька. Справа – Анята. Вполоборота – свидетель Кеша. Безымянный водитель невозмутимо давил на газ. Анята толкнула меня в бок и показала, зачем возвращалась. Решила подарить. На добрую память. Книгу. «Звезды судьбы».

Более-менее я пришла в себя к середине лета.

Сначала свадьба, потом сессия, у каждого – своя. Только в каникулы, на тысячу километров ото всех удалившись, мы очутились по-настоящему с ним вдвоем.

Он предложил нам махнуть на юг. Я была, в общем, не против. Путевку выбрала, на мой взгляд, увлекательную: поездом – до Адлера, на автобусе – до Сухуми, через Тбилиси – на Владикавказ, далее – Нальчик, Пятигорск, Грозный и, наконец, Махачкала с предварительным заездом в древний город Дербент.

Моя идея его не загля. Я настояла. Он предпочел бы море, пляж. Я скривилась. Во-первых, после свадьбы должно быть путешествие, не так ли? Во-вторых, я человек подвижный, пляж не для меня. И в-третьих, самое главное, что в обсуждении не прозвучало – я не умею плавать. Ну не могла же я признаться. Перед ним. Стеснялась.

Оказалось, не зря.

Если бы мы неподвижно торчали в одном месте, через

день-другой я померла бы со скуки. На первой же турбазе я с неудовольствием для себя открыла, что у нас не очень-то сочетаемые интересы. Повздорили. Он нахмурился. Я надудлась. Он затянул свою старую песню: «Главное – наша любовь». Я призадумалась: что это слово может для него означать? Просто быть вместе? Допустим. Но вместе – это как?

Утром спит, не добудишься. После обеда опять дрыхнет. А вечером сидит, глядя на закат, потом на звездное небо. Только автобусные перемещения кое-как его растрясали. Прибыв в очередное место, снова погружался в анабиоз.

На одной турбазе, помню, был видеосалон. Я уломала пойти. Все ж развлечение, к тому же видео тогда было – редкость. Показывали «Терминатора», «Эммануэль» – известные фильмы, давно на слуху, а я до сих пор не видала. Он только поморщился. Вместо этого поинтересовался у заправилы салона, нет ли в коллекции фильма «Полет над гнездом кукушки». Я даже такого не слышала. У заправилы не было. Так и ушли, ничего с ним не посмотрев.

В другом пункте работала дискотека. Я повеселела. Он – ни в какую. Вместо танцев пустился в свою философию. В конце концов, меня это достало, и я сказала, что думаю: «Ты просто ленивый». А он: «Лень – это врожденная мудрость. Зачем тратить энергию жизни на ерунду?»

Энергия жизни, это, конечно, да. Но все остальное... Я вдруг осознала, что он – зануда. Совсем не умеет меня развлекать. Одни от него слова.

Пришлось брать инициативу в свои руки.

Каждый день я заказывала дополнительные экскурсии, старалась по мере возможностей расширить наш кругозор. Возможности быстро таяли, к сожалению, вместе с деньгами, а то я б не туда еще с ним махнула. Впрочем, Сладульку это жалкое обстоятельство, похоже, втайне радовало.

Последние дни сидели на турбазе под Махачкалой. Горы остались вдали, вокруг распласталась жженная степь. Палило солнце. Гудели мухи. Деньги закончились. Оставалось тупеть в ожидании автобуса на вокзал. Сладулька на глазах превращался в законного мужа, усталого, скучного, без интереса к чему бы то ни было, включая меня. Изредка бросал слово-другое в ответ на мои торможения. По большей части в душной тени спал. Я смотрела на него, спящего, и удручалась: неужели это и есть мой медовый месяц? Если это – самое сладкое в жизни, что же меня ожидает в дальнейшем?

Жара. Тело плавилось, мысли текли. Время скучно ползло, подползало. Близился час возвращаться в столицу. Домой, так сказать. Окончательно. К его родителям.

Мороз по коже...

Я не знала, что чужой дом – западня.

Нет, я, конечно, предчувствовала некоторое неудобство. Но не предполагала, что вскоре захочется оттуда сбежать.

В семью меня приняли. Относились хорошо, даже слишком. С подчеркнутой, такой, любезностью – выделяли. В этом был холодок отчуждения. Мое присутствие напрягало. Поэтому я выходила из комнаты как можно реже. За окном парило лето. Каникулы. Столица бурлила, звала. Особенно, вечерами. А я сидела, сложа руки на подоконник, и прислушивалась к звукам в квартире. Вспоминается разговор, ненароком подслушанный в один из таких изнурительных вечеров. Они вообще любили порассуждать, мужчины этого дома. Интеллигенция, одним словом.

– Папа, что значит, декларация о государственном суверенитете? – спросил мой муж, потрескивая газетой.

– Это значит, идут центробежные тенденции, – философски отвечал свекор.

– Здесь пишут, за последний год объявили независимость Литва, Татарстан, Чечено-Ингушетия, Нахичевань и Грузия. А на днях Чечня провозгласила себя свободной Ичкерией.

– Неудивительно. Таков закон природы.

– Закон природы?

– Конечно. Популяция доминирующего вида распростра-

няет экспансию на ареалы более мелких. Однако если мелкие изыскивают возможность, то непременно начинают взбрыкивать, а то и показывать зубы.

Они рассмеялись. Я мало что поняла. Но уши-то навострила. Вдруг почудилось, будто разговор имеет смутное отношение и ко мне.

– Это понятно, – продолжил муж. – Но зачем суверенитет для РСФСР?

– А что, россияне не люди? Им тоже хочется воли. Натерпелись.

– Натерпелись – чего?

– Несвободы. Существование за железным занавесом – это насилие. Но теперь, когда стена рухнула, все по-другому.

– Ты хочешь сказать, Советский Союз...

– Не только Союз. Любой искусственно созданный социум... Взять зоопарк. Представь, мы начнем рушить внешнюю стену. Что почувствуют животные?

– Ну... наверное... беспокойство.

– Вот именно! Будут раскачивать клетки, по вольерам метаться. И это притом что за ними уход и неплохо кормят.

– Кажется, даже лучше, чем советских граждан.

– А вот это уже явная провокация!

Они опять рассмеялись. Но тут подключилась свекровь:

– Ничего смешного! Ты получил талоны?

– Задерживают... – осекся свекор.

– Одна от тебя болтовня! Теоретик! Лучше подумал бы,

что твоя семья будет завтра есть!

Я съезжилась. С едой действительно обстояло так себе. В администрации зоопарка свекор занимал должность не из последних. Периодически он баловал нас «заказами» — наборами продуктов, распределяемых среди своих. «Заказы» съедались быстро и поставлялись все реже. А голод требовал своего каждый день. В тот год с магазинами стало совсем плохо. Хлеб да консервы. Если что и «выбрасывали», прилавки трещали под натиском очереди. Дошло до того, что на основные продукты ввели талоны. Но их почему-то регулярно задерживали. Даже свекор, иным не чета, с чиновничьим своим блатом все чаще потерянно разводил руками.

Нет, мы не голодали. Просто было немного туго. Продукты «доставали», экономили, запасали впрок. Мне слова упрека никто не сказал. И все же я чувствовала между лопаток липкий и жгучий ярлык нахлебницы.

Впрочем, я это испытывала только под взглядом свекрови. Свекор, тот поглядывал с теплотой отеческой и, возможно, мужской. Только Сладулька особых эмоций глазами не излучал, держался так, будто мы вместе лет эдак с тысячу, и уединенно со мною в комнате предпочитал болтовню с отцом, а то и вовсе диванную отрешенность с носом в книжку.

Я тоже читала свое. «Звезды судьбы». Чего только иной раз со скуки не вычитаешь...

СКОРПИОН практически всеяден. Он пробует все, что попадает в поле зрения. Предпочитая, в принципе, пищу изысканную, он может питаться и тем, что другим кажется несъедобным. Иногда он делается гурманом, лакомясь устрицами, лягушками, ласточкиными гнездами. Но бывает, перебивается орешками да корешками. Если придется, способен голодать, и подолгу.

Дело в том, что Скорпион управляет своим расходом энергии, в отсутствие еды замещая физическую активность психической. Он как никто может утолить голод тела насыщением духа, ибо его природе свойственна трансформация. Скорпион относится к паукообразным. Всех пауков роднит число ножек – восемь. Таков же и его порядковый номер в колесе Зодиака. Традиция эзотерики трактует восьмерку как знак трансформации.

Скорпиону известно: телесные прихоти маскируют голод души. Например, если хочется сладкого, возможно, в жизни недостаточно радости. Но это не значит, что следует набрасываться на сахар, куда верней найти источник позитивных эмоций. К сожалению, удовольствия не всегда бывают доступны, а энергию требуется восстанавливать. Используя трансформацию, Скорпион переводит материальное в духовное, низменное в возвышенное, плотский инстинкт – в устремление воли к свободе...

А за пределами семьи текла совсем иная жизнь. Она ма-

нила, как те обертки шоколадных батончиков, что запестрели с некоторых пор у каждой станции метро на раскладных лотках стихийной уличной торговли. Шоколад не при чем. Просто меня угнетала серость. Она была в общаге, она же встретила и в семейном быте. Словно инфекция, от которой не скроешься.

Но я видела, что это не так.

По столице гуляли шикарно и модно одетые люди... Проплывали машины солидного лоска, иностранных фирм... Ресторанные двери, сверкая, распахивались перед избранными, и они там сидели, красивые манекены за витринным стеклом...

Кстати, о витринах.

Была осень, когда мы с Анютой решили прошвырнуться после занятий. Поехали в центр. С погодой не подвезло: вышли из метро, и зарядил дождь. Хлопнув зонтами, переглянулись: чего приперлись?

И тут мы увидели с ней толпу.

На углу самой центральной из столичных улиц и первого же от центра переулка шевелилась человеческая масса. Мы с Анютой подошли, любопытствуя. Очередь. Недавно открывшийся магазин. Такого блеска мы никогда еще не видали. Прозвучало неслыханное слово «бутик». Воссияли золотом буквы: Estée Lauder¹.

---

¹ Здесь и далее: названия торговых марок не являются ни рекламой, ни антирекламой, а своевольно использованы как субъективные впечатления автора от

Не просто косметика, там, духи. Настоящий парфюм! Который раньше можно было купить только из-под полы. Теперь – в свободной продаже, были бы деньги.

Мы с Анютой застыли, замороженные.

Толпа медленно, сонно двигалась, шевелилась. Гигантское членистоногое в мокром панцире переливчатых зонтиков. Многочасовой хвост терялся в сумрачной подворотне, а ближе ко входу тело утолщалось, перебирало конечностями.

Мне бросилось в глаза: большинство в этой давке – женщины.

– У тебя-то есть, кто тебе купит, – Анюта вздохнула.

Я ухмыльнулась:

– Да. Как-нибудь намекну любящему мужу, что появился такой магазин.

Ни ко дню рожденья, ни к Новому году, ни к Восьмому марта он намека не понял. Или не захотел. Или в упор не слышал. Еще немного, и от «Красной Москвы» останется только память.

Закапала весна. Ничего не происходило.

В квартире – одни и те же заумные разговоры: законы природы, законы социума. Интеллигенция. Иногда – недовольство свекрови на бытовой почве. Меня не увлекали, обращались с приторным дружелюбием. Было неуютно. Не то чтобы я предпочла скандал, но их всегдашняя озабочен-

ность как бы случайно меня не задеть, словно какую-нибудь коллекционную статуэтку, заставляла чувствовать себя здесь чужой.

Сладулька моего состояния не понимал. Стоило трудов вытащить его на улицу, просто пройтись, погулять. Я тормозила: неужели не хочется иногда развеяться? Он пожимал плечами: нет, ему и так нормально.

В душе потихоньку начало klokотать беспокойство. Разве о такой жизни я мечтала, выходя замуж? Клетка. Даже не золотая. Серые прутья. Ради чего?

Что происходит с нашей любовью?

Неужели, это – конец?

Другая жизнь приоткрылась нечаянно.

Мне приоткрыл ее мой однокурсник. Так случилось, мы вместе возвращались после зачета. Точно помню: конец мая 92-го.

Раньше мы не пересекались. Учился он в параллельной группе. Но я знала о его существовании самым краешком мысли как о любопытном явлении на горизонте. И не только я, надо сказать. Высокий, подвижный, веселый, он издали привлекал внимание. Все, не все, но очень многие из девочек на него заглядывались. Или хотя бы поглядывали.

Звали его Макс.

И вот мы с ним вышли из института, где только что сбросили «хвост». Нас терзал один и тот же преподаватель. Макс помог мне удачно списать. Эта преступная студенческая случайность уже как бы свела нас в единство невинного заговора.

– А почему мы до сих пор не знакомы? – Он улыбнулся.

– Не довелось.

– Так что нам мешает?

Познакомились. Я сказала, что замужем. Не знаю, зачем. Само вырвалось. Он никак не отреагировал. Я почувствовала себя душой: нафантазировала всякого разного, а ведь мы просто озвучили имена. О Максе рассказывали, будто он за-

знайка и бабник. Вблизи самовлюбленности я в нем не заметила. Держался скромно, говорил просто. А что до репутации – чего только не наболтают. Хотя, признаюсь, такая слава интриговала.

Направились к метро. Проходили мимо кинотеатра. Макс спросил, смотрела ли я этот фильм, «Однажды в Америке». Я не смотрела. Он очень рекомендовал. Я пожала плечами: может быть, как-нибудь. Он резко остановился:

– А почему не прямо сейчас?

Я смутилась. Как-то это... Нет, нет, невозможно. Неужели, он не понимает, почему я не могу. Не стала еще раз упоминать мое семейное положение.

А Макс напомнил:

– Жизнь коротка. Другого раза может не быть.

Это было какое-то наваждение. Или прозрение? Даже не знаю. Что-то во мне неожиданно полыхнуло: время детское, дома тоска, меня приглашают в кино, в которое я неизвестно когда еще выберусь и выберусь ли вообще...

Фильм оказался и правда классный. Любовь, смерть, романтические гангстеры. Забавное совпадение: одного из героев зовут Макс.

Мы сидели с ним рука об руку.

В какой-то момент мне почудилось, что он хочет мою руку взять. Я наперед решила аккуратнo, но строго высвободиться. Сидела в парализующем напряжении ожидания. Но Макс не пытался. Меня это почему-то задело.

– Ну что, понравился фильм? – спросила я, когда мы вышли на улицу.

– Очень. Особенно, по если первому разу.

– Так ты уже видел! – Я рассмеялась. – Зачем же еще раз?

– Я хотел посмотреть, как смотришь кино ты.

На город спускался вечер. Разгорались оранжевые фонари. Струились машины с алмазами фар и рубинами стоп-сигналов. На западе небо пылало пожаром, а в вышине над нашими головами остывало в прозрачную синюю бездну.

Мы подошли к метро.

– Слушай, – он взял меня за руку, – а хочешь увидеть другую жизнь? Как в кино, только непридуманную? Настоящую.

Не помню, что я ответила. Неубедительно, неуверенно.

Он тут же поймал такси. Мы влезли, тронулись, понеслись...

Во мне kloкотала тревога. Я делала что-то недозволительное. Отчетливо понимала, но сидела замороженная. В чуть приспущенное стекло рвался и бил теплый ветер, трепал мои волосы, мысли, предчувствия.

Макс держал мою руку.

Въехали в переулок. Какая-то арка. Макс расплатился. Я не успела опомниться. Ступеньки уводили вниз. Какая-то дверь. Макс позвонил. Нам открыли, впустили. Накурено, много людей, одна молодежь. Макс здоровался, шлепал ладошкой, едва ли не с каждым. Вращались, сверкали, туманились радужные огни. Пульсировала музыка. На сцене кто-

то за пультом швырял в микрофон слова. Многие танцевали. Многие облепили блестящую стойку бара. Многие развалились в диванах и креслах за темными столиками. В таких местах я никогда еще не бывала. Макс взял по коктейлю. Я быстро хмелела. Он что-то мне говорил сквозь дымку и шум. Я смеялась. Потом повлек меня танцевать, в гущу толпы, в самый жар. Он двигался в танце с неуловимой пластикой и энергией молнии. Он весь был огонь, я тоже от него распалась, раскрепощалась, плавилась, забывала себя. Временно стихло. Мы стояли, разгоряченные. И вновь потекла музыка, нежная, медленная. Макс обнял мою талию, я оперлась о его мускулистые плечи. Мы закружились, приближаясь, соприкасаясь... И тут я почувствовала запах... Не неприятный, нет. Просто другой, непривычный. Новый запах мужчины... Я отшатнулась:

– Мне нужно домой.

Он не препятствовал. Мы вышли. Здорово стемнело, стало свежо, даже зябко. Только теперь я опомнилась взглянуть на часы. Ничего себе! Быстро затопали, побежали, надеясь не опоздать.

Метро оказалось закрыто.

Он начал ловить такси. Одно, другое. Нырял, торговался. Наконец, согласился один хмурый частник. Поехали...

Машина остановилась на полпути к моему дому.

– Вот и всё. – Макс беспечно развел руками. – Больше нет денег.

Вылезли в ночь. Бодрило. Он дал мне свою джинсовку. Вся эта ситуация, как отходящая анестезия, начинала показывать.

Макс ежился, однако не унывал:

– Скорость пешехода – пять километров в час. Ничего-ничего, за пару часов дотопаем.

Я злилась. Не на него, на себя. О чем только думала? Хотела взглянуть на другую жизнь? Прекрасно! Что дальше? Моя жизнь – мой Сладулька. Свекор, свекровь. Дóма мне эта ночь вылезет боком.

– Не бойся, все будет хорошо.

– Тебе легко говорить.

– Надо верить в лучшее. Верить в свою... неуязвимость. А еще, иногда устраивать праздник вседозволенности. Смотри! – Макс внезапно перевернулся, встав на руки.

Я оторопела. Он покачивался, балансируя ногами. Улыбался мне вверх тормашками. Не успела я среагировать, а он, перебирая руками, сошел с тротуара и двинулся через улицу. Дорога была не самой широкой, но все же проезжая часть, машины, хоть и редкие в это время, но ездили. Резко притормаживали, объезжали, сигналили, открывали окна, злобно материли, газуя, неслись дальше...

Спрыгнул на ноги на другой стороне и махал мне ладошкой. Не сшибли, не забрали в милицию, не набили морду. Неуязвимый. Боже мой, связалась, еще один в моей жизни псих!

В моей жизни?.. О чем это я? Глупости...

А потом мы с ним просто гуляли по улицам. Он показывал мне столицу, какой знал ее сам. Красивые здания, исторические места, пункты личных воспоминаний.

К дому со шпилем мы приблизились, когда начало светать.

– Пришли. – Я вернула джинсовку.

– Извини, если что-то не так.

– Все нормально. Спасибо за приятный вечер. Точнее, ночь.

– Ночь хороша... – Он поднял лицо к небу. – Смотри-ка, даже звезды видны. В нашем городе это редкость... Ну, я потопал. Увидимся!

Он развернулся и зашагал, одиноко постукивая по асфальту.

– Макс! А кто ты по гороскопу?!

Оглянувшись, он сложил пальцы рожками и приставил ко лбу.

– Самый первый знак зодиака! Овен!

Весь ужас в том, что дома мне не влетело. Не отчитали, вообще не пытались ничего выяснять. Словно возвратиться под утро в чужую семью для невестки – обычное дело, и нечего тут усложнять. Родители-то ладно, интеллигенция. Но даже муж меня встретил образцово сдержанно. Я соврала, что была с Анютой. Он проглотил, не разжевывая. Что

это: вежливость? понимание? Или может быть, скрытый садизм?

Ближайшей ночью мы занялись сексом. Плановое супружеское общение. Я впервые в этом почувствовала какую-то натяжку. Вроде, все то же самое, только теперь, с кисловатым привкусом фальши. Я заметила, он мной овладевает с особым усердием, будто делает работу, которую нужно выполнить наилучшим образом, это дается ему тяжело, а он заходит и разных ракурсов, с методичной, уничтожающей изощренностью.

А еще я заметила неуютную перемену в себе: назвать мужа Сладулькой язык не хотел поворачиваться. Он стал для меня просто Сладким. Как болтаемый ложечкой сахар в ежевечернем привычном семейном чае.

Самочувствие без причины ухудшилось. Я ничем не болела, только нервы стали явно пошаливать. Могла сорваться по малейшему поводу. Сладкий недоумевал, раздражался. Я и сама не могла понять, что со мной происходит. Нет, в ту пору мы с ним еще не ругались. Во всяком случае, так, чтоб уж совсем в озлобление, вдрызг. Но все чаще зудел холодок неприятной догадки: неужели, мое раннее замужество было ошибкой?

Спустя годы один человек мне однажды скажет: «Нет задачи трудней, чем доказывать очевидное». Этой истины я пока не знала. Как и многих других формул мудрости. Да и не нуждалась я ни в каких красивых словах, чтобы чувство-

вать правду моего положения, беспросветного, как доля законной рабыни: в этом доме я не живу, а терплю жизнь.

В июне сдавала сессию. Голова от зубрежки пухла. Печатные тексты осточертели в любом виде. И все же я заглянула в одну книгу помимо программы, просто так, чтоб отвлечься – «Звезды судьбы»...

ОВЕН. 21 марта-20 апреля.

Самый первый знак зодиака. Стоит в начале фазы инволюции. Ночная обитель Марса, заточения Венеры, экзальтации Солнца и падения Сатурна.

Теплый сухой мужской знак. Стихия – огонь. По степени проявления признака – сильный. Являясь знаком кардинального качества, задает энергию творчества, активно вызывает события, влечет перемены.

Двенадцать знаков колеса Зодиака ассоциируются с двенадцатью ступенями в алхимии. Овен олицетворяет голову и начало процесса. Пройдя цикл развития в поисках философского камня, процесс завершается превращением свинца в золото.

Соответствует периоду после весеннего равноденствия. В северном полушарии с каждым днем в это время теплеет. Овен трактуется как обновление в благоприятных условиях полной свободы, где приветствуется инициатива, и сняты ограничения...

Я захлопнула книгу. Нет, нет. Совершенно не нужная информация. Не лучший способ развеять мысли от учебных нагрузок. Не завалить бы мне сессию с этими звездами, которые знают все обо всех, но на экзамене не подскажут ответ.

С того раза я Макса не видела. К лучшему. Его группа сдавала экзамены в другие дни. Даже если бы мы увиделись, на одной из кафедр, случайно, вряд ли бы последовало развитие. Потому что – ни к чему это. Та ночная прогулка ничего не значит. Абсолютно. Если вдуматься, мы ничего такого не делали. Ни о чем особенном не говорили. И уж, во всяком случае, не договаривались.

Выкинуть, выкинуть из головы.

Сессию я сдала. Предстояли каникулы. Последние в моей жизни перед последним курсом. Еще год, и я стану окончательно взрослой. Напоследок хотелось отдохнуть.

Кстати, Сладкий окончил университет. На приличный отдых у него денег не было. Да и ни на какой не было. Нищий выпускник. Его родители подкинуть жлобились.

Поэтому поехали мы с ним ко мне на родину.

Последний раз я здесь гостила еще до свадьбы. Странное чувство: в родном доме я – гостя. Ничего не поделать, детство прошло, а с ним и привязанность к этому месту. После столичных четырех лет все казалось здесь маленьким, жалким, убогим. Таким оно, объективно, и было. Никакой сентиментальности я не испытывала. Скорее, неловкость от

необходимости периодически сюда возвращаться.

Мамина квартирка с нашим приездом стала совсем крохотной. Чего стоил один только отчим в бессменных носках. Да и сестрица, – слова не вытянешь, а тут вдруг разговори-лась до радостного недержания. Еще и жара, и гул от завода.

Сладкий терпел.

Хорошо хоть имелась дача. Поехали всем семейством. Домишко-то никакой, зато – простор, лес, река, неиспорченный воздух.

Вода из колодца. Удобства на улице. Место низинное. Ми-азмы болот. Круглосуточные комары, мириадами прущие в маломальскую щель.

Сладкий терпел.

Дача существовала в процессе хронического строитель-ства. Стены да крыша. Остальное – занятие на всю жизнь. Мшистый фундамент помнил приложение рук еще моего па-пы. Более поздние наслоения связаны уже с отчимом.

Иными словами, дачу тянула на себе мама, в разные пери-оды подключая к проекту различных мужчин. Поскольку я в этот раз прибыла с собственным мужем, его крепкое тело не имело причин не оказаться задействованным. Забавно бы-ло смотреть, как этот столичный пижон приобщается к му-скулистым и потным забавам рабочего люда: таскает доски, прилаживает, пилит, стучит молотком. У него получалось.

Сладкий мужественно терпел.

Неожиданно отчим стал поддавать. Сперва, как всегда, по

чуть-чуть, с филигранным дозированием. Вскоре сорвался. Вовлек и моего, за знакомство и для мужской солидарности.

Сладкий терпел из последних сил. Потом его стало тошнить.

– Сдохнешь тут с вами... – Он плевался и кашлял.

– Извини. Я не заставляла тебя пьянствовать.

– При чем здесь это... Я вообще, о твоей семейке... Западня... Заманила... И главное ведь, никуда не денешься. Ловко!..

Он меня упрекал?

– Никуда я тебя не заманивала. Ты – мой муж.

– Но не чернорабочий для тещи.

– Родителям нужно помогать.

– Что ж ты отсюда сбежала при первой возможности?

– Я? Сбежала?... А не ты ли позвал меня замуж?

– Не позвал бы, торчала б в своей дыре.

– Так ты меня спас?

– А то – нет...

Ну это уж слишком!

– Знаешь, мой Сладкий, я тоже не в восторге от твоей семейки. В частности, от твоей мамочки...

– Маму не тронь...

– И столица твоя не лучше ничем. Разве что квартира побольше да пошикарней. А по сути, клетка зоопарка!

– С меня довольно... – ожесточился он. – Пора сваливать...

В тот же день он уехал. Я хотела отправиться с ним, но мама просила остаться, требовалось усмирить отчима, вытрезвить, поставить на ноги. Ей одной было тяжело. Сестрица – не в счет.

Сладкого это не касалось. Плевать он хотел на всех нас.

Мне показалось, он бежал не от чуждых ему забот, а от меня, как воплощения презираемой им провинции. И еще осознала: в дом со шпилем мне тоже не хочется. Потому что это не мой дом. И не его.

Потому что дети должны от родителей отрываться.

Все лето я провела в одиночестве. То есть, в лоне семьи, которую вновь обрела в качестве родной. У отчима обострилась язва. У сестрицы пришли менструации. У мамы болело сердце.

Одна я ни на что не жаловалась.

Как-то раз, выходя из аптеки, столкнулась с Анютой. Ощущение – словно с призраком с того света. Вроде недавно сдавали экзамены, вместе переживали, огорчались, радовались, и вот мы в одном городе, а я даже не позвоню, будто ее существует, моей лучшей подруги юности.

– А что это ты одна? – заулыбалась Анюта.

– Мой уехал пораньше, дела, – соврала я.

– Понимаю... Скучаешь?

– Да так. Не особо.

Мы брели пыльной обочиной мимо серых домов...

– Конечно, чего тебе скучать? Ты-то отсюда вырвалась. Приезжаешь теперь только на отдых... – Анята вздохнула. – А я как представляю, после учебы сюда возвращаться... Такая тоска берет...

На мой взгляд, прогулка затягивалась...

– Ты что сегодня вечером делаешь? Может, пообщаемся?

– Знаешь, Анята, сегодня никак не могу.

– Ну, тогда завтра...

– Боюсь, завтра тоже. Вообще не знаю, когда выкрою время. Извини, мне нужно спешить. У меня вся семья неожиданно разболелась. Рада была тебя повидать. Привет родителям. Я как-нибудь тебе позвоню.

Я шагала, быстренько удалялась, почти убегала – от Аняты, от ее тоски, от вероятного моего будущего... Он не звонил. Который день. А вдруг, не позвонит? Вдруг, решил меня бросить? И штамп в паспорте не спасет. Отдыхаю... Вырвалась...

А вырвалась ли?

И что это я выдумываю вечно ужасы?

У него и в мыслях такого не было – меня бросить. Первое, что я услышала, когда он приехал в конце августа, чтоб меня отсюда забрать:

– Не могу без тебя.

Осторожно меня обнял, поцеловал. От него пахло потом, пылью, поездом с пересадками. Жарким летом, проведенным вдали от меня. Неухоженностью, необласканностью. Мужчиной.

– Это была первая новость...

– Первая? Какая же вторая? Не пугай...

– Я поговорил с родителями. Было тяжело, но, в конце концов, они поняли...

– Да говори же!

Он расплылся в улыбке, широкой, заслоняющей горизонт.

– Две семьи не могут жить под одной крышей. У нас теперь... своя квартира, отдельно от них.

Квартира! Эта новость дурманила сильнее любых ласк. Я в дурмане собрала вещи, в дурмане простилась со всеми и всем, в дурмане смотрела, как мелькает за окном летящего поезда старая, новая, прошлая, будущая, настоящая, независимая, другая, чудесная, личная моя жизнь...

Конец августа промелькнул в приятной активности. Го-

лая новостройка превращалась в жилье. Он двигал мебель, сверлил, привинчивал, навешивал, выносил мусор, мыл полы, закупал продукты. Мне нравилось наблюдать его гибкий блестящий торс наконец-то задействованный в правильном применении. В этом был эротизм нового уровня. Он становился хозяином, а значит, и я – полноценной хозяйкой нашего дома.

С первого сентября он впервые вышел работать. В этом тоже присутствовало новое качество. Вчерашний студент, а теперь, шутка ли, ученый-биолог, перспектива карьеры.

Устроился по распределению – в зоопарк.

По мне так без разницы. Платили бы деньги. И все же... Было любопытно: чем может заниматься в зоопарке мой муж, нормальный, как говорится, мужик, на котором пахать и пахать?

– Ты не поверишь... – сказал он, вздохнув. – Скорпионами.

А в октябре случился день рождения Анюты.

Я помнила, да запомнявала. Но Анюта напомнила. После занятий пригласила всю группу к себе. Лично мне адресовалось особое:

– Или ты, королева, общагой теперь брезгуешь?

Обидно от лучшей подруги услышать такие слова. Будто я виновата, что у меня сложилось иначе. Не мы выбираем нашу судьбу, она сама нас находит. А что до общаги, я даже

слегка, в ностальгическом смысле, соскучилась.

В этом и впрямь было что-то уже недоступное. Так становятся недоступными сперва детство, потом юность, потом молодость. Тогда я об этом не думала непосредственно, и все же немного грустила, когда мы завалились веселой толпой в магазин, набрали бутылок, закусок, шли, перекидывались словами, хохмили на вахте, набились в лифт, выплеснулись на анютином, бывшем моем, этаже.

Там стоял Макс.

Он курил с какой-то девицей. И еще какие-то парни. Увидев меня, Макс улыбнулся, помахал, хотел что-то сказать.

Я ограничилась вежливым прохладным кивком.

И только в Анютиной комнате почувствовала, как колотится сердце...

Ничего страшного, подумала я. Вечно себе навывдумываю. Я пришла поздравить Анюту. Он тоже с какой-то своей компашкой. К тому же, похоже, с девицей. Довольно непривлекательной. Все это меня не касается. Посижу, сколько нужно для вежливости, и поеду домой.

Начали выпивать.

Спустя малое время, в комнату постучали. Анюта открыла. Я вся обратилась в слух. Услышала голос Макса. Нас приглашали примкнуть, мол, что вы девчонки зря прозябаете. Анюта кокетничала. Я оттащила ее в сторонку: нафига они нам нужны, у нас все свои, так славно сидим, а эти сожрут все и выпьют, гони в шею. Она согласилась. Но странно на

меня посмотрела.

Продолжили выпивать.

Я немного расслабилась. Возможно, чуть более чем немного, потому что когда опять постучали, не среагировала. Опомнилась, а они уже здесь, громкие, остроумные, с бутылками и гитарой. И эта девица меж ними, как пиявка меж камышей.

Выпивать стали с лихостью.

Нет, я не ошиблась: девица действительно пришла с Максом. Сидела впритирочку, прям присосалась всем боком, не отлипает. Почему-то наблюдать это было мне неприятно. Хотя какое мне, собственно дело?

Макс поглядывал на меня.

Да нет, не поглядывал, а откровенно, в упор пялился. Девица перехватила его взгляд и дернула за рукав. Макс мне улыбнулся, плечами пожав. Та снова дернула, зло шепнула. Он огрызнулся, она затараторила. Макс тяжело вздохнул. Та вдруг вскочила, откинула стул, ринулась к выходу, за ней побежали, Макс кисло скривился, за ним вернулись, начали убеждать...

– Я сейчас вернусь! – бросил он мне через стол.

И вновь я почувствовала, как колотится сердце. Шум скандала притих, и оно так стучало, что, казалось, все слышат. Я поняла: или сейчас, или никогда. Бежать!

Ни слова не говоря, неприметно взяла куртку – и шмыгнула в коридор.

В коридоре оно колотилось еще громче. Я быстро пошла в сторону лифта. Услышала голоса. Макс! Развернулась – и к черной лестнице. Похоже, меня не заметили. Вниз, по ступенькам. Темнотища. Не споткнуться бы. Вонючка. Мусоропровод, тараканы, возможно, крысы, не говоря о дерьме, потеках мочи, осколках стекла на каждом из поворотов. Эвакуация – через второй, опять коридор, сбежала на первый. Глянула. Чисто. Таксофон на стене. Позвонить мужу? Встретил бы у метро? Нет, времени, ладно, сама доберусь. Последняя дверь – сырая прохлада спасительной темной улицы меня вобрала, и здесь я замедлила бег до чуть более спокойно-го, приличного шага...

Сердце медленно остывало. Я тоже. Лил дождь. Автобуса не видать. Безлюдная остановка в поздний час желто-черного вечера. Зонт! Забыла у Анюты. Вот дура! Как теперь доберусь? Но не возвращаться же. Только не это. Второй раз уже точно не удастся спастись...

Кто-то шел. Приближался. Из мглы. Человеческий силуэт. Одинокий мужчина. Проявлялся, все более четко, почти узнаваемо. Сердце опять начало разгоняться. Вот, кошмар. Я пропала! Это – Макс!.. Осталось принять независимый вид...

- Что же ты вдруг сбежала? – Он тряхнул мокрой челкой.
- Я не сбежала, мне пора домой.
- Время детское... – Он улыбнулся.
- К сожалению, мы не дети.

– Я провожу тебя.

– Не надо.

– Возьмем такси.

– Нет!

Он вскинул руку. Первая же машина остановилась...

Долго ехали молча. Под музыку радио. Проплывал мокрый город. Сонно тикали дворники. По стеклу убегали прозрачные шустрые змейки...

Мы с ним рядом. На заднем сидении, очень близко. Тепло. Я немного пьяна? Разве это имеет значение? К чему это все?..

Взял ладонь. Не убрала. Он смотрел. Я – вперед. Не могла шевельнуться. Слово морок, наркоз. Или запредельное обострение чувств?..

Чувствовала запах. Одежды. Волос. Мокрой кожи. Приблизившегося дыхания.

Коснулся губами. Повернула лицо.

Начали целоваться...

Все исчезло – дорога, такси, мокрый город, угрюмый водитель, музыка радио с идиотскими комментариями, – только жизнь и осталась, горячая, сочная, безрассудная, жадная, не восполненная, вождедеющая восполнения...

– Едем ко мне... – задыхался Макс...

– Нет... – содрогалась я. Что-то билось во мне такое, неуправляемое...

– Прошу тебя...

– Нет-нет Невозможно. Нельзя... – Неуправляемое и властно требующее...

– Поедем, прошу, умоляю, не мучь. Ну хочешь, я на колени перед тобой упаду?.. Остановитесь!!!

– Нет!!! Не останавливайтесь!! Не надо! Не надо на колени... Верю, можешь... – Требующее, вопреки «нельзя»... – Ты... где живешь?

ОВЕН – прирожденный мотиватор. Всех заводит своей энергией и влечет за собой. Его характеру свойственны инициатива, смелость, воля, решительность, нетерпеливость, стремительность, импульсивность.

Влияние Марса наделило Овна жаждой активных действий. Он всегда готов к авантурным поступкам. Обстоятельства он воспринимает как брошенный ему вызов, и добивается своего предприимчиво и амбициозно.

Стремление к успеху нередко сочетается в нем с идеализмом, обостренным чувством прекрасного и желанием потянуть руку помощи. Излучая вокруг себя согревающий свет, Овен всех притягивает подобно костру в темной холодной ночи.

Его эмоциональность связана также с вибрациями Венеры. Ей он обязан своей пульсирующей сексуальностью. Привлекательность Овна для лиц противоположного пола часто достигает неотразимой, хмелящей обворожительности.

В крайних своих проявлениях он доходит до откровенной

наглости, высокомерия, неосмотрительности, безрассудства. Воинственность Марса может вылиться в беспощадность, а нежность Венеры – в эротическую порочность...

Никогда не думала, что молчание – это страшно.

Я вернулась, когда люди шли на работу. У подъезда столкнулась с мужем. Он задал всего один вопрос. Я сказала, была у Анюты, на дне рождения.

Он молча двинулся в зоопарк.

Потянулись тяжелые дни без привычных слов. То есть, мы разговаривали, конечно, но бессодержательно, просто звуки. Как дела? Нормально. А у тебя? Тоже. Ужинать будешь? Спасибо. Надо пораньше сегодня лечь...

Наши слова потеряли смысл, как и наша совместная жизнь. Мы существовали в общей квартире, словно два манекена. Жизнь замкнулась внутри, в сокровенности мыслей и чувств. А снаружи – вежливый глянец.

На все легла печать непроглядной искусственности.

Для меня началась сушая мука. По натуре-то я человек общительный. Теперь приходилось каждый вечер оставаться наедине с собой. Это заточение в себе, без возможности отвлечься, крутило душу. Я постоянно слышала внутренний голос. Он изнурял меня, дергал, точно нарыв. Заставлял снова и снова переживать все подробности *той* ночи. Ставил вопросы, на которые не находилось ответа. Что я наделала? Как могла? Как собираюсь дальше со всем этим жить?

Сладкий, похоже, замечал мое состояние. Поглядывал. Не в упор, однако присматривался. Лучше бы он куда-нибудь подевался. Особенно, когда начинал что-нибудь легкомысленное и веселое говорить.

Боже, какая ложь...

Пару раз он пытался со мною сблизиться. В качестве мужа. Я сказала, нет сил. В другой раз – нет настроения. И то и другое было единственной правдой. Смешно.

Смешного мало: энергия жизни стремительно убывала.

Я испытывала, теперь совсем по иному, потребность в мужчине. Но нет – только не это, только не он. Не могла допустить до себя его ласк. Даже от случайного прикосновения – передергивало.

Он не настаивал. Только стал еще молчаливей.

СКОРПИОН не болтлив и не экспансивен. Производит впечатление человека уравновешенного, спокойного. Иногда, холодного до безразличия. Но не стоит обманываться: за дремотной наружностью скрыто адово пламя страстей.

Значимую ситуацию он всегда контролирует. Если задеваются его интересы, мгновенно вскипает ядом. При этом не торопится противника жалить, а продолжает его изучать до окончательного выяснения диспозиции.

Характеру Скорпиона свойственна крайняя подозрительность, ибо он как никто копает вглубь грехов человеческих. Он подсознательно «видит» несоответствие внешнего

и внутреннего. Его оценки отличает субъективизм, не ведающий прощения.

Отсюда и легендарная скорпионья ревность. Консерватор и собственник, он не потерпит даже легкого флирта. Если же кто-то надеется «порезвиться и лапки не замочить», такой отчаянной голове в итоге не позавидуешь. По натуре являясь садомазохистом, Скорпион будет по поры присматриваться. Но едва убедится, что его домыслы небезосновательны – пощады не жди.

Наказание будет страшным...

Он жил с мамой в однокомнатной квартире.

В ту ночь мама была на дежурстве. Поэтому он и привез меня к себе. Мой, теперь уже мой возлюбленный, Макс.

Помню, когда между нами это произошло, и он предоставил мне ванну и полотенце, первая моя мысль была довольно нелепой: какое же здесь все неказистое, бедное.

Позже, на кухне, мы пили чай, и Макс обронил, что я сижу на мамином спальном месте. Его это веселило, а меня почему-то нервировало. Неприятно сидеть на месте чужой женщины, пропитанном флюидами ее снов.

Мама работала медсестрой. Отца Макс не знал, тот бросил маму в самом начале беременности. Пришлось ей хлебнуть горя. Ютилась с ребенком в общежитии, пока не дали эту квартиру. «По лимиту», как значительно пояснил Макс.

Я впервые осознала, что столица благоволит не ко всем. Ее жители в большинстве обитают по таким вот жалким клетушкам, подобным квартиркам в моем родном городке и в других городках необъятной глубинки. Мало кому выпадает шанс вырваться из убожества, к более-менее приличным условиям.

Как, например, у меня. С мужем.

Что ж я делаю? Боже, кошмар...

Мысль мелькнула, царапнув сознание, и угасла. Не допив

чай, мы вторично упали в любовь. Он ласкал меня так, что я плавилась и текла, растворялась в шалеющем безрассудстве, забывала себя, отдельные части тела, превращалась в одну жадную чувственность. Иногда я словно выныривала на поверхность, и сквозь марево видела, какой он красивый, мускулистый и скользкий, туго налитый, переполненный жизнью, вновь все меркло, я проваливалась, шла ко дну, закрывала глаза, истаивала, исчезала. Никогда раньше такого я не испытывала. Размывались границы существования. Отдавая себя, я вбирала его, мы сливались в одно, перемешивались. Все быстрее между нами росло что-то общее, набухало, волнами накатывало, приближалось, разгонялось, бесилось, зверело, душило – и взрывалось безбрежной свободой...

Это повторялось со мною теперь всякий раз. Макс пробудил во мне животную ненасытность. График мамы представлял нам возможность сутки через трое.

Через месяц мне стало казаться – и этого мало.

Между любовными схватками, отдыхая, смотрели видео. У Макса была интересная подборка кассет: «Греческая смоковница», «Дикая орхидея», «Слияние двух лун», «Девять с половиной недель»... Каждый фильм приходилось смотреть с нескольких долгих заходов, периодически отматывая назад в поисках места, где наша страсть не желала дожидаться финала и пускалась в экспромт собственного варианта сюжета.

Мы занимались этим, пропуская занятия в институте. К последнему курсу я неожиданно стала нерадивой студент-

кой.

Зато, чуть вечер – сразу домой. Образцовая жена при семье.

И никакого, почти никакого, риска.

Макс продолжал очаровывать. На круглую дату любви пригласил в ресторан. С той октябрьской ночи промелькнул месяц, а я не заметила. Отмечать было ребячеством, но только ребенок и радуется празднику, и может искренне его подарить. Макс мог.

Ресторан находился в «Центральном доме туриста». Как-то раз я сболтнула, что мечтаю о путешествиях, и вот он привез меня в «ЦДТ», через весь город, на такси, романтически объявив это нашим первым совместным вояжем.

Его жест для меня значил больше чем путешествие. В настоящем ресторане я никогда еще не бывала. Свадьба – не в счет, это формальность на потеху родни и, хуже того, людей абсолютно чужих. Здесь же любимый мужчина вводил меня в мир, недоступный в те годы для многих, если не для большинства. Я была избранной.

Расплатился с таксистом. Сунул швейцару. Умаслил метрдотеля. Нам дали столик в интимном углу. Водрузили букет цветов. В каждом жесте сквозили театр, переигранность, но мне нравилось, что Макс так выкладывается ради меня.

Похоже, его здесь многие знали. Официант называл Макса по имени. Кто-то прошел мимо, бросил привет, Макс от-

ветно салютовал. С лентой завсегдатаев завалилась компания угрюмых личностей, уселись неподалеку заметив Макса кивнули, и он весело помахал им ладошкой.

Мы пили шампанское и вспоминали, как все у нас началось. Эти милые всплески сюжета: «А помнишь?..». Удивительно, сколько уже нас связывало. Самым интересным было открывать случайные взгляды, реплики, мысли, догадки, мерцающие в прошлом задолго до нашей первой ночной прогулки. Макс признался, что заметил меня на первом еще курсе. А я? Конечно, разве можно такого, как он, не заметить. Поулыбались. Зачем же тогда вышла замуж? Не знаю. Так как-то сложилось. Случайное сочетание звезд. Что ж ты раньше-то не спросил, мой опоздавший весенний?

А потом мы поднялись на лифте в номер. Из окна простирался обзорный вид. Лента проспекта в букашках машин широким потоком пронзала столицу, вдали все туманилось, теряя краски, в сереющей перспективе осени.

Мы долго и вкусно друг друга любили. Это был пир. Я все глубже вкушала Макса, познавала в нем личность. При его ребячливости, экспрессивности, склонности к театральным эффектам, в нем присутствовал неподдельный мужской стержень. Он зарабатывал, вот в чем дело. Казалось бы, нищий студент, по происхождению голь, а нашел возможность подарить мне такой недешевый праздник. Сам одевается с шиком. Ездит в такси. Купил домой фирменную аппаратуру – какой у меня, с моим Сладким, до сих пор нет и будет ли,

неизвестно.

– Макс, ты простишь мне мое женское любопытство?

– Конечно, любимая... – Он улыбнулся, нежно поцеловал мои веки...

– Сколько стоит этот номер?

– Для тебя нисколько... – Поцелуи спустились на шею... на плечи... на грудь... на живот... рисуя узоры... влажно кружа...

– А для тебя?..

– Я не плачу... Это номер ребят, хороших друзей... – Его губы скользили все ниже... все жарче... сужая круги... приближаясь... оттягивая... изнурая...

– Что за ребята?..

– Солнцевские...

Я не поняла этого слова. Он добрался до места, где я всякий раз отключалась.

Мы регулярно теперь ездили в «ЦДТ». Дополуденная любовь в номере, обед в ресторане, затем снова номер и снова любовь.

Иногда он отлучался по недолгим делам. С кем-то встречался. «Стрелка», как он это называл, отшучиваясь от вопросов. Я слегка огорчалась его таинственностью. Понимала, меня это не касается. И все же неуютно, когда любимый мужчина прозрачен не до конца.

Однажды он отсутствовал дольше обычного. Я лежала од-

на, на кровати в номере, закутавшись в одеяло. Как дура. Начала волноваться. Вдруг почудилось, что он может и не вернуться. Одно допущение такой вероятности пробудило в груди леденящий вулканчик.

Он вернулся. С порога набросился, стягивая куртку, раскидывая одежду, не прекращая меня целовать. Я почувствовала в нем особенное воодушевление, даже восторг. На этой волне мы предались любви.

Потом просто лежали. Он курил, пуская дым к потолку. За предел потолка, в бесконечность, в невидимый космос. Его глаза лучились радостью, торжеством. О чем он в то время думал? Явно не обо мне.

И тут я увидела это.

Его кожаная куртка, вперемешку с исподним, валялась, раскинувшись по полу. Из кармана, в пылу раздевания, выкатился небольшой валик. Неброский такой, серо-зеленый, перетянутый бледной резинкой. Что это?

Плотная скрутка долларов.

Я подняла, чувствуя необычное возбуждение. Столько денег я отродясь не держала. Даже в рублях, эфемерных инфляционных бумажках. А тут доллары. Сколько здесь может быть?

Волной окатил страх.

– Макс, что это?..

Он поднял голову, глянул. Ничуть не смутился.

– Ты в какой стране живешь? Не знаешь, что это?

– Я понимаю, что доллары, но в таком количестве... Откуда?

– Я зарабатываю. Сегодня сложился удачный день... – Он потянулся, зевнул. Улыбнулся. – Сейчас время великих возможностей. Если не быть лохом, можно стать крутым. Очень крутым.

Его ответ лишь добавил мне беспокойства.

– Макс, скажи правду, чем ты занимаешься?

– Бизнесом.

– Это просто слово. Я хочу знать, чем конкретно?

– Работаю на будущее.

– Хватит болтать! Немедленно отвечай на вопрос!

– Эй, полегче... Я ведь тоже могу поставить вопрос ребром.

– Что?!

Он сжал мои плечи.

– Когда ты уйдешь от мужа?

Его взгляд меня жег. Я дернулась. Он держал. Я зажмурилась от такой неотступности. Казалось, он меня уничтожит.

Нежно обнял, поцеловал. Я обмякла. Осыпая меня поцелуями, он, захлебываясь, горячечно зашептал:

– Любимая, думаешь, мне легко наблюдать, как ты каждый вечер к нему возвращаешься, и чем вы там занимаетесь, неизвестно, а я как представлю, мне жить не хочется, бросай его, уходи ко мне, пока я никто, но я правда работаю, на будущее, наше общее будущее, где только ты и я, никого боль-

ше, и это будущее начинается здесь и сейчас, я не могу тебя посвятить в подробности бизнеса, но ты верь мне, любимая, все будет у нас хорошо, я сделаю для тебя все, что в человеческих силах...

– А если мне захочется нечеловеческих?

– Я тебе звезды с небес достану...

Сомневаться не приходилось: любит. Слегка многословно, да таков уж его темперамент. Но что на деле означает «любовь» для него? То же ли самое, жизненно важное, что для меня? Могу ли я довериться этому пламени? И если да, то как по живому резать судьбу?

ОВЕН свою любовь боготворит. Влюбляется, как правило, с первого взгляда. Его манит запретный плод, к которому он тянется импульсивно, невзирая на цену. Если потребуется, готов заплатить собственной жизнью.

Страстной натуре Овена преграды неведомы. Он подобен ребенку, чей каприз должен быть выполнен. При отказе его увлеченность может перерасти в одержимость, а ранимая гордость – в слепящую ярость вплоть до убийства.

Примитивный мужской тип напоминает пещерного человека. Он покоряет женщину, удовлетворяя с ней животную похоть. Более развитый тип хочет стать для любимой героем, мечтает о подвигах во имя ее и нередко действительно их совершает.

Оборотная сторона его страстности – истощаемость. В

состоянии любви он бывает трогательным и глубоко преданным. Но хватает его ненадолго. Почувствовав повторяемость, он остывает, на полпути все бросает и удаляется.

Совместимость: Лев, Весы, Стрелец.

Следует избегать: Рака, Рыб, Скорпиона...

СКОРПИОН. Любовь для него – мистический опыт. Он хочет прочувствовать ее всеми фибрами души, пережить экстаз всепоглощающего слияния. Найдя объект любви, целиком отдает себя в его власть.

Изначально Скорпион нацелен на прочный союз. За ним и впрямь можно быть «как за каменной стеной». Если обстоятельства сложатся так, что брак заключить невозможно, будет любить нежнее и крепче, чем в законной семье.

Проблема в том, что он ищет любовь идеальную. Девиз Скорпиона – «Все или ничего». Обнаружив между своей грехом и явью несоответствие, живому человеку он предпочтет одиночество.

Пребывая в любви, Скорпион хранит завидную верность. Но горе тому, кто обманет его доверие. Недаром в Библии упоминается предостережение: «Отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами» (3 Цар 12:11–14).

Совместимость: Рак, Рыбы, Дева.

Следует избегать: Льва, Водолея, Овна...

Ну и расклад. Попробуй-ка выбери. Каждый из них в чем-то хорош. Однако и в каждом таится обещание неприятностей вплоть до беды.

Посмотрела и гороскоп для меня: не останавливаться, стремиться, искать, верить и ждать своего суженного... Одна болтовня.

Они оба в моей судьбе. Оба суженные. Чему верить?

Женскому сердцу. Я прислушалась.

В сердце клокотал страх.

Не припомню, когда впервые это возникло: ощущение, что я не контролирую ситуацию. Возможно, с появлением Макса, а возможно и раньше. В любом случае, на протяжении осени оно нарастало.

Мне стало казаться, что муж странный какой-то. Держится неестественно, причем неестественно даже для нашей молчанки, вошедшей в привычку. Да и никогда он не грешил многословием. Здесь скрывалось что-то другое. Но что? Я никак не могла четко понять.

С выходом на работу он начал писать диссертацию. Если верить словам. Наволок кучу журналов и книжек по биологии. Просиживал вечера, вяло полистывая страницы, а все больше отрешенно глядя в окно, в никуда. Завел общую тетрадь, чтобы записывать идеи, которые лягут в основу его научной работы. Иной раз в задумчивом напряжении он выводил в тетради какие-то символы. Я не докучала. Пусть раз-

мышляет. У меня тоже было, о чем подумать.

А в конце ноября, когда он отсутствовал, заглянула в тетрадь.

Несколько страниц были исчерканы чертиками. Ни одного слова.

Я начала незаметно к нему приглядываться. Он заметил. Бросил мучить тетрадь, взялся за литературу, вроде штудировать. Я тоже заметила: в течение вечера мог проторчать на одной странице. И завтра на ней же.

Он витал не в науке. Но и не у себя дома.

И еще, у него появилась манера прятать глаза. Глянет – и тут же в сторону вскользь, вниз, куда угодно, только бы прямо на меня не смотреть. С ним явно что-то творилось. Причем, это «что-то», похоже, меня не касалось. Точнее, ко мне относилось самым отрицательным образом.

В нем жила тайна. И в этой тайне он от меня ускользал.

Я осознала это внезапно, однажды вечером. Толчком был пустяк: у него на носу вскочил прыщ. Жирный, назревший, так и лез мне в глаза – выдавить. Я ходила кругами, пытаюсь отвлечься. Но прыщ сиял. Я приблизилась, наклонилась, чтобы лучше его рассмотреть, прыщ. Он поднял глаза, Сладкий, тут же потупился – и неожиданно покраснел.

От его реакции все во мне затряслось, забурлило, леденя сердце и обжигая мозг. Тут у меня и вырвалось:

– Что происходит?

Он начал говорить. Произносить слова. Настоящие. На-

конец-то, после долгой пропасти пустословия. Он выдавливал их, извиваясь при каждом звуке, словно рожал, мучительно тужился всею душою, со стоном. И в этой тяжелой его, страшной замедленности трусливо-деликатного приближения к главному сообщению неумолимо проявлялась беспощадная правда, отчетливо мною увиденная к моменту его признания:

– Я тебе изменил.

Мир полыхнул, я ослепла.

Прикусила губу. Было мгновение, когда я падала в бездну. Нет-нет, показалось. Перед глазами немного поплыло, но окружающее осталось на месте, и в самом центре сидел он, все больше красневший, варившийся заживо. Похоже, я что-то произносила. Себя я не слышала. Только его ответы, пронзающие меня, добивающие. Зачем? Зачем мне эти подробности его отвратительного приключения? Зачем эти садомазохистские ковыряния в ране?

Он просил помощи. Меня. Видите ли, он в беде. Я должна понять: ему трудно рвать по живому. Он, видите ли, не может так сразу расстаться – с любовницей, с этой дрянью, шлюхой, присоской, о которой я знать ничего не желаю!

Он молил о прощении.

Где-то я слышала, что словом можно убить. Его откровения сжимали мне горло, душили. Наверное, в тот момент это была конвульсия инстинкта самозащиты, мое практически уже бессознательное:

– Я прощаю тебя...

На этом бы мне и остановиться. Но видно черт потянул за язык. И я добавила:

– А знаешь, почему?..

В его глазах задрожала надежда. Он снова был в моей власти. Беззащитный, раздавленный, жалкий. Причинивший мне боль.

– Потому что я первой тебе изменила.

Окаменел. Уставился опустелым взглядом. Я тоже застыла, в липком ужасе ожидая дальнейшего. Ничего не происходило. Если бы он врезал или хотя бы заорал, было бы легче, пошло бы движение жизни. Но он только смотрел. И от этого взгляда я словно мертвела.

Я вдруг поняла, почему последние месяцы во мне сидел страх. Да, конечно, боялась разоблачения собственной темной тайны. Но еще больше меня ужасало до поры не названное подозрение: мой мужчина на моих глазах становится не моим.

Зашевелил ртом. Как рыба на суше. Или какое-то насекомое. Настраиваясь, беззвучно проговаривая то, что готовилась мне сказать. Что-то очень важное, с чего наша жизнь, возможно, начнет свой новый отсчет.

– И какого размера у него член?

О Боже, вот псих! Будто это имеет значение.

Когда вы обжигаетесь, то отдергиваетесь. Мгновенный рефлекс. Боль приходит несколько позже, медленно нарастая. Она разгорается в точке ожога, вытесняя привычные чувства, туманя мысли, парализуя жизнь. Ваше существование теперь определяется только болью.

Первым делом я потребовала, чтобы он с присоской порвал. В свою очередь я заверила, что мой роман окончен, и продолжения не последует.

Он пообещал. Пошел на кухню курить. Я ждала в спальне. Он долго не шел. Потом я услышала, как он разложил в зале диван, улегся и выключил свет.

Прошли минуты, десятки минут – и тут меня пробрало. Он это сделал. Другая женщина. Как он мог? Как я могла – не заметить, что это уже между нами случилось? И продолжалось. На моих глазах. За моею спиной.

Я вдруг поняла, насколько боюсь его потерять. Осознание пришло через боль. Почему я не знала этого раньше? Ведь я любила его, и продолжаю любить. Если б не любила, то не страдала бы. Настоящее страдание любви – это страдание ревности. А то, что я ревную его, нет никакого сомнения: если доведется однажды встретиться с этой паскудной тварью, посягнувшей на мое законное, вцеплюсь в ее волосы, выцарапаю глаза, оболью кислотой – уничтожу гадину насмерть.

Не подозревала, что во мне могут родиться такие страшные мысли. Впервые в жизни я желала человеку смерти. Или она, или я. Третьего не дано. Пощады не будет. Любовь несет в себе смерть. Я это поняла, благодаря мужу. Прохвосту.

Тут же вспомнила Макса. Ревновать его не к кому. Несомненно, он мой. Но так ли уж несомненно? Наши жадные встречи – далеко не вся его жизнь, и в чем-то он ускользает, прячется, делается недоступным. Эта неполная его принадлежность вынуждает меня тосковать. Получается, настоящее страдание любви – это страдание разлуки. Я испытываю к нему дикую тягу, она тлеет во мне, разгораясь, чтобы вспыхнуть огнем, едва мы сольемся в очередной грешный раз. Стоит представить: очередного раза не будет – и огонь начинает меня пожирать с такой яростью, такой ясной безжалостностью, что темнеет в глазах.

Я боюсь потерять. Но кого? Их обоих? Такое бывает? Обоих люблю? Разве это не бред? Что же такое «любовь»?

Это за гранью рассудка. Ее можно только почувствовать. А все мои чувства накрыл жгучий туман... Любовь, любовь...

Я перестала понимать, что это слово обозначает.

Если честно, с Максом я не рассталась.

Не так это просто, порвать с человеком, когда каждый день приходится видеться, разговаривать, смотреть друг другу в глаза. Дело, конечно же, не в учебе. Я не могла. И не

хотела. Жить без него. В институт мы почти не ходили. Чаще встречались в метро и ехали сразу к нему: домой или в «ЦДТ».

Все текло, как и прежде.

Хотя нет, кое-что изменилось. Я не стала рассказывать Максу о моей катастрофе с мужем. У меня появилась от Макса тайна. Возможно, ничего страшного, и все же, первая неискренность. Иначе говоря, фальшь.

Я не могла допустить, чтобы он думал, будто мне можно изменить. Наверно, зрела к нему уйти. Фантазировала, как было бы славно, если б мы окончательно слились. Вот только Макс – непонятно кто, его перспектива довольно тревожна. Окончательно слиться, значит строить семью. Но что он может мне предложить?

Он и не предлагал. Как и прежде, заливался любовными трелями, но дальше слов разговоры не заходили. Однажды жестко потребовав, чтобы ради него я бросила мужа, к этой теме он больше не возвращался. Его все устраивало? Смирился? Меня это начинало нервировать. Порой мне казалось, он устал от плотного графика наших свиданий. И еще мне стало казаться, что вместе с приблизившейся зимой близится охлаждение не только во внешней абстрактной природе.

– Макс, как ты думаешь, сколько это может продлиться?

– Зима только начинается. Но, ты же знаешь, весна неизбежна.

– Я имею в виду наш роман.

Мы брели по сырому городу. Первый снег обелил газоны. Под ногами хлюпало. Прохожие были угрюмы.

– Ты меня разлюбила?

– Нет. Что ты? Конечно же, нет. Но я так дальше не могу. Мне нужна определенность, понимаешь?

– Я люблю тебя. Что может быть определенней?

– Любовь, это просто слово. Но представь, я уйду от мужа. Что ты можешь мне предложить? Что конкретно? Рай в шалаше?

Он помрачнел. Закурил. Зашагал, все быстрее. Словно увидел цель. Или убегал? Я едва за ним поспевала.

Резко остановился.

– Это не просто слово. Я докажу. Может, не так скоро. Но я это сделаю. Вот увидишь. У нас будет, где жить.

Он что-то задумал. Но что именно, не говорил, как я не пыталась. Обронил лишь, что мне не обязательно все знать до конца. Я должна ему верить. Он старается. Ради меня. Ради нас. Только бы я не лезла в его мужские дела. Я должна запастись терпением, просто верить, любить и ждать.

Сидя вечером дома, я вспоминала наш разговор. Снова и снова прокручивая все подробности. Между нами возникла недоговоренность. С его стороны, и с моей. Каждый что-то утаивал. Но неполная правда – разве это не ложь?

Да нет же, он просто хотел мне сделать сюрприз. Не вда-

ваясь в нюансы. Красивый мужской жест. Уж кто-кто, а Макс это умеет. В конце концов, может и впрямь не обязательно все знать до конца. Достаточно любить. И верить. И ждать.

– Мы должны развестись.

Я содрогнулась от неожиданности. Передо мной стоял муж. Я что-то пролепетала. Он повторил еще раз, с раздражением, громче. Последние дни мы не разговаривали. После того, как открылась измена. Что тут добавить? Он бродил туча тучей и вот, наконец, выдал решение.

В голове помутилось. Я ловила обрывки путаных мыслей, а они зло кружились, не даваясь воле, будоража подташнивание. Развестись? Ну конечно. А чего я могла ожидать? В нашей рухнувшей ситуации это естественно. Люди женятся, разводятся, жизнь идет, не умер никто, даже наоборот, все только к лучшему, к обновлению. Я хотела свободы, и я ее получаю. Я могу быть с любимым. Ура. Почему же так мутно, обморочно на душе? Развестись, это значит, мне выметаться. Только куда? В крохотную квартирку с новой свежескромью сутки через трое? Или в номер гостиницы? Или в съемное непонятно что? Или, если не сложится, придется вернуться в родной город? Только не это!

– Не надо развода.

Он нахмурился, он не видел других вариантов...

– Быть вместе.

Он не представлял, как такое возможно...

– Измена была ошибкой. Мы должны это пережить. Давай

попробуем. Глядишь, все наладится.

Я и сама не верила в то, что произнесла. Но слова прозвучали.

Он стоял и смотрел, постепенно меняясь в лице. От решительного неприятия – к неуверенности. Вот качнулся, медленно ко мне подошел.

Я закрыла глаза. Не могла, не хотела, чтобы он заглянул в мою душу. Даже мне было жутко в нее посмотреть. Что я делаю, Макс?

Он начал меня целовать.

Во мне все одеревенело. Не чувствовала ничего. Только холодные влажные отпечатки. Сопротивляться не было сил. Исчезли желания, воля. Мысли обмякли, стали чужими. Это не я, другой человек отдавался в забытые руки. Или я становилась другим человеком? Теперь уже все равно. Видно, так суждено. Рабство – тоже свобода. От себя, своей личности. Ничего не решать. Быть игрушкой, голой куклой с конечностями на шарнирах. Просто плыть по течению. В постель. В наше общее, законное ложе. Кто всё это придумал? Кто так безжалостно создал жизнь?

Он очень нервничал. Долго возился. Не получалось. Высыпала испарина. И ожесточение в сосредоточенности лица. Всю меня облизывал, измывал, методично пытаюсь воздействовать. И все равно оставался бессилён.

А вот я кое-что начала сознавать.

Подлец, он ласкал не меня, а свои фантазии! Закатил гла-

за и думал, я ни о чем не догадываюсь! Неужели я хуже при-
соски, о которой он никак не может забыть? Никогда не по-
верю. Этого просто не может быть. Ну, гад, держись!

Он изумился, смутился, вытаращился, стал молить о по-
щаде. Не на ту попал. Я ему покажу, где скорпионы зимуют!
Я вдруг поняла, что на самом деле, все в руках женщины. Я
поняла, что быть женщиной — это искусство.

Когда все закончилось, он долго не мог вернуться в себя.
Мне нравилась его изможденность, убитость, безоговороч-
ная капитуляция. Я чувствовала, как во мне рождается что-
то новое, пугающее удовлетворением, какой-то даже злой ра-
достью. Я могу управлять ситуацией. Я не рабыня. Я госпо-
жа.

Вы скажете, я изменила Максу? Да, наверное, так. Но ведь
ему не обязательно об этом знать. Как и мне не обязательно
бросать мужа ради любовника.

Представьте, что в вашей жизни есть тайный праздник для
сердца.

А теперь представьте: существуют и будни.

И ничего страшного, правда?

И однажды он на свидание не пришел.

Я прождала у метро, где мы обычно встречались. Безрезультатно. Поехала в институт. В аудиториях его обнаружить не удалось. Всякое бывает, подумала я.

Он не пришел и на другой день. И на третий тоже.

Звонила ему домой. Несколько раз. Никого не было. Словно все вымерли. Меня это начинало смутно тревожить. Ну не ехать же, в самом деле, мне разыскивать его в «ЦДТ».

Прошла неделя, потянулась следующая. Он не объявлялся.

Тревога набирала градус медленного вскипания. Нет ничего мучительнее отсутствия информации, понимания, что необходимо предпринимать какие-то действия. Но какие? В каком направлении? Почему он мне не звонит? Я готова к любому известию, к любой правде, только бы не вот эта мертвящая, удушливая пустота, в которой домыслы вырисовывают самую банальную, страшную вероятность: он меня избегает, становится недоступен, решил наш роман обрвать.

Наконец, дозвонилась. Трубку взяла женщина. Меня бросило в жар – и тут же пот облегчения: голос явно немолодой, скорее старый. Я сдержанно попросила позвать Макса. Она сказала, что его нет. С какой-то странной, неуверенной

интонацией. Когда его можно застать? Она не знала. Или не хотела мне говорить.

Неожиданно она произнесла:

– Простите, это вы... – назвала мое имя.

– Откуда вы знаете, как меня звать?

– Максимка предупредил. Сказал, вы обязательно позвоните. Вот, стало быть, объявились...

Господи, это его мама! Как же я сразу не сообразила?

И тут она зарыдала.

– С ним такое несчастье...

Мне сделалось дурно.

– Что случилось?!

– Он... он в тюрьме...

Все поплыло перед моими глазами.

– За что?!

– Говорят, наркотики... Он под следствием... Но это ошибка, он невиновен, его втянули, оклеветали, мой мальчик, мой единственный сын...

Меня поразило, что это обычный городской дом. Только балконов нет. Как и в любом деловом здании. Старой постройки, скучного вида, монолитное крупное здание на углу шумных улиц.

Позже я поняла: весь огромный квартал и есть тюрьма.

К дежурному была очередь. Все от него чего-то хотели. Шумели, требовали, заискивали, умоляли. Он вяло отвечал,

с усталой флегмой взирая сквозь каждую. Именно «каждую», – наверное, совпадение, но толчея у окошка дежурного состояла на тот момент сплошь из женщин.

Я испытывала отчужденность, почти брезгливость, оказавшись среди этих хабалок. В них угадывалась несомненная причастность к тюрьме, они пришли хлопотать о преступниках. Но я-то была другой, мне требовалась справедливость, еще немного и недоразумение разрешится.

Когда подошла моя очередь, дежурный взглянул сквозь меня, не удостоив иного отношения, кроме казенного равнодушия.

Потом я сидела у кабинета следователя. Передо мной дожидались приема еще несколько человек. Они изредка переговаривались, но по большей части молчали, погрузившись в угрюмую отрешенность. По коридору ежеминутно кто-нибудь шастал, из кабинета в кабинет, то с кипой бумаг и деловитостью в строгом лице, то налегке, с досужим выражением нескончаемого перекура промеж непыльной, прискучившей работенки. И опять меня поразила обыденность, безразличие и тех кто сидит, и тех кто мимо проходит. Словно за дверьми одинаковых кабинетов вершатся не судьбы конкретных людей, а производятся действия абстрактного свойства, независимо от участников.

Следователь оказался весьма молодым. Пожалуй, даже симпатичным, встретить я его в другой обстановке, при других обстоятельствах. Но сейчас на его лице лежала все та же

печать тюрьмы, что и на всех, кого я здесь видела: измотанность и апатия.

Я уточнила, по какому вопросу. Он был в курсе, дежурный ему доложил. На мои нервные реплики отвечал отстраненно, полистывая бумажки. Сразу внес ясность: от него ничего не зависит, дело возбуждено, близится к завершению и скоро материалы будут переданы в суд... Ошибка исключена... Он взят с поличным... Под следствием семь человек... Участие в преступном сообществе, статья «двести десять». Но это не главное... Статья «двести двадцать восемь», незаконное приобретение, хранение, перевозка... в особо крупных... а если докажут и сбыт... В лучшем случае, примут во внимание сотрудничество со следствием...

Не верила, не могла поверить. Что все настолько серьезно. Протестовала, переубеждала, несла откровенную, истеричную чушь. Он меня слушал со все более вдумчивым и, в то же время, скучающим видом. Вдруг перебил:

- А вы ему, собственно, кто?
- Близкий человек.
- Хотите стать свидетелем этому по делу?

Меня как водой окатило. Слова в горле застряли. Я только глотала воздух, безвоздушность, вакуум. Следователь наблюдал. Он видел мой страх, за себя, за близкого моего человека, мое отчаянное противление, мое нежелание, неизбежность вот-вот близкого человека предать.

- Мой вам совет... – Следователь поднялся. – Не ослож-

няйте себе жизнь. Вы красивая, молодая, у вас все еще впереди. Не афишируйте связь с обвиняемым. Дело слишком серьезное. К тому же, заметное. Свидетель легко может перейти в разряд обвиняемых. Понимаете, о чем я толкую?

Я закивала. Неожиданно хлынули слезы. Он дал мне стакан воды. Сам отвернулся к окну, раскрыл форточку, закурил. Послышались звон трамвая, шипение машин по слякоти зимнего города. Звуки обыденной жизни, за решеткой окна, звуки свободы.

Он вызвался меня проводить. До первого этажа. Ему было по пути. Мы двинулись по коридору, для него привычному, для меня кошмарному. Нам сопутствовали множество глаз, и сидевших на стульях, и принимавших решения.

До меня вдруг дошло: он мог меня задержать, но не стал этого делать.

– Спасибо вам.

Ничего не ответил. Лишь усмехнулся, кривовато и грустно. Мы вышли в вестибюль, здесь он меня отпустил, провожая мое удаление взглядом. Я шагала и чувствовала его взгляд дрожью вдоль позвоночника. У выхода не стерпела, вскользь оглянулась.

Он всё смотрел.

Суд состоялся в один из последних дней уходящего года. Не помню число, да и неважно. Близился праздник. Столица принарядилась, сияла гирляндами, елками. Все куда-то спе-

шили в радостном возбуждении.

Похоже, и Фемида спешила с делами скорей разделаться.

Приехала я заранее. Нашла место по адресу сразу. Мне показалось, это хороший знак. Видно, на что-то надеялась. Спросила при входе, в каком из залов будет слушаться мое дело. Мое?

Случайная оговорка заставила содрогнуться.

Когда отворили зал, меня сразу смутила одна деталь. Сказью подсудимых я ожидала увидеть за барьером, вроде парашета. Однако здесь функцию ограждения несли строгие железные прутья. Попросту говоря, до вынесения приговора людей заточали в клетку.

Меня корбила близость откровенно тюремного антуража. Я села подальше, в последних рядах. Зал медленно заполнялся зрителями. Вскоре я поняла, что меня будет плохо видно, но впереди все уже было забито, и мне осталась вытягивать шею, выглядывая с галерки.

Их ввели.

Семеро. Разного возраста. В основном молодежь. Но и пара матерых. Что он делает среди них, среди этих преступников, мой возлюбленный, с болью узнанный Макс? Бледный, осунувшийся, без возмужания повзрослевший. Расселся с другими, за компанию перечеркнутый вертикальными линиями и тенями.

Я пыталась поймать его взгляд. Он поглядывал исподлобья, то на зрителей, то на судей, но без интереса, будто нахо-

дился в ином измерении, будто все, что здесь совершалось, не имело к нему отношения. Он смотрел в никуда. В этой страшной его пустоте я тоже отсутствовала. Даже когда он вставал, чтобы ответить на вопросы суда, его взгляд не оживлялся ни адвокатом, ни прокурором, ни показаниями свидетелей, ни вещественными доказательствами. Ему было все равно. Он произносил слова, которые от него требовались. По сценарию.

Я поняла, что это конец.

Мне вдруг стало ясно, что исход предрешен, и каждый из участников лишь отыгрывает должную роль. И обвинение, и защита, и подсудимые, и судьи – всего лишь актеры с эффектными репликами. Зачем же так много, так долго, так красочно и витиевато? Я перестала их слышать, пустые слова.

Пришла в себя, когда судья зачитал приговор.

Максу дали семь лет. Остальным – от пяти до двенадцати. Их взяли под стражу. Макс оглянулся, но меня не заметил. Секунду-другую он шарил глазами в последней попытке кого-то в зале увидеть, но стражник его подтолкнул.

И вот он исчез.

Я сидела как оглушенная. Не могла шевельнуться. Слепо смотрела, как поднимаются, разминают суставы, начинают гудеть и тянуться на выход усталые зрители. Кто-то плакал навзрыд. Ее увели. Большинство погрузились в суровость. Иные сдержанно оживлялись, затевали обсуждение

просмотренного лицедейства.

Зал быстро пустел. Вот совсем уже мало. Вот осталась одна. В первом ряду задержалась женщина. Она сидела неестественно прямо, совсем неподвижно. Ее силуэт чем-то меня угнетал, давил.

Я поднялась и через опустелый зал зашагала к двери.

Поравнявшись, скосила взгляд. И тут же оцепенела. На меня смотрели глаза – глаза Макса, неповторимые, в ней повторившиеся. И это лицо, оно тоже несомненно было лицом Макса, только разрыхленным, состарившимся и женским. Я не могла сдвинуться, скованная гипнозом трагической незнакомки. На меня взидала застывшая, красная, острая, остекленевшая боль. Казалось, еще немного, и боль прорвется, хлынет словами. Но женщина молчала. И я вдруг поняла: это боль настоящей любви. Ведь подлинная любовь словами невыразима, да и что тут можно сказать, когда любовь этой женщины у нее отобрали, и все равно она будет ждать, сколько придется, хоть семь лет, хоть всю жизнь – потому что не кто иной, как она сообщила мне о Максе по телефону.

Возможно, глядя в упор, она начинала догадываться. Но не до конца, все еще не была уверена, что я – это я. Оброни я хоть слово, и она моментально узнает мой голос. Только что я могу сказать ей – матери? Что?

Я стремительно вышла из зала суда.

Не знаю, как я пережила ту зиму.

В груди постоянно ныла глухая боль. Я ходила в институт, чтоб отвлечься, а возвращаясь, влилась без сил.

Энергия жизни была как погода – все время ниже нуля.

Настала весна. Мне лучше не становилось. В природе началось брожение соков. Все мои мысли, зимой словно при-
мороженные, оттаяли, обострились.

Я непрестанно бредила Максом.

Мне часто казалось, он где-то рядом. Только я не вижу его. Но слышу голос, чувствую прикосновения. Особенно, во время бессонницы. Он говорит: «Надо верить в лучшее, в свою неуязвимость. А еще, иногда устраивать праздник вседозволенности». Я ему говорю: «Зачем ты так шутишь?» А он: «Какие уж тут шутки. С любовью не шутят». А я: «Ты считаешь, все из-за меня?». А он: «Так сложились звезды судьбы». «Макс, я буду тебя ждать»...

На последних словах я всегда приходила в себя.

Семь лет. Это действовало отрезвляющее. Похоже, временами я просто сходила с ума. Но сознание нездоровья облегчения не приносило.

Чем так дальше жить, не лучше ли отравиться?

Мысль об отравлении пришла неслучайно. Близилось

окончание учебы в институте. Еще немного, и мне защищать диплом фармаколога, который я даже не начинала писать.

Была только тема – «Яды».

Я убедилась, что настоящий яд раздобыть невозможно. Если не считать мужа, отравляющего мне жизнь постоянным нытьем. У него, видите ли, развилась депрессия, нет вдохновения. Нашел отговорку, чтоб только мне не помочь.

Он много времени проводил теперь дома. Якобы начал писать свою кандидатскую диссертацию. Но я понимала: он теперь приходит так рано домой, попросту потому что завершился его подлый служебный роман. Я попросила его помочь мне с дипломом. Он заартачился. Я проявила настойчивость. Он ворчал, упирался, злился, ругался такими словами, каких я и не подозревала в его лексиконе.

Пришлось надавить на жалость – последнее средство.

В конце концов, он мне сдался.

«Только доза делает яд лекарством и лекарство ядом». Парацельс.

Эпиграф к дипломной работе я подобрала сама. Со всем остальным он справился уже без меня. Вообще, он у меня может, если мне нужно. Главное – задать правильное направление мысли...

Жизнь ядовита. Все, существующее в природе, при опре-

деленных условиях может превратиться в отраву. Несколько литров обычной воды, выпитой за короткое время, нарушает электролитный баланс и представляет угрозу. Горсть поваренной соли, принятой внутрь, вызывает расстройства гомеостаза. Даже кислород, основа всей жизни, в превышенной концентрации может привести организм к летальному повреждению.

Многие минералы нашей планеты опасны. Наиболее актуальны – свинец, кадмий, ртуть, сера, мышьяк. Незначительное их количество при попадании внутрь блокирует нервные импульсы, ведет к нарушению дыхания и сердечного пульса. Эти элементы накапливаются в тканях растений и животных, что делает их ядовитыми при употреблении в пищу. Также ядовитые минералы могут быть растворены в воде для питья.

И все же главную угрозу для человека представляют яды живых организмов.

Около 1 000 видов растений смертельно опасны. Более 400 видов пресмыкающихся ядовиты. Свыше 800 тысяч видов насекомых вооружены убийственным ядом или имеют так называемую «химическую защиту». Эта статистика приблизительна и условна, поскольку жизнь не стоит на одном месте, каждый год открываются новые виды, и всей правды о ядах мы до конца никогда не узнаем.

Самый сильный из растительных ядов – кураре. Индейцы южной Америки смазывают им наконечники стрел. По-

падание ничтожной стрелы в крупного зверя гарантированно приводит к его гибели. Белена, белладонна и дурман вызывают тошноту, галлюцинации, бред. Цикута вызывает судороги и паралич. Именно ей афиняне отравили Сократа. Ядовитые грибы – строчки, ложные опята, мухоморы, поганки, – вызывают спазмы, рвоту, головную боль, а также психические расстройства. Последнее свойство некоторые «знатоки» применяют для «расширения сознания», которое нередко заканчивается смертью.

Многие водоплавающие – рыбы, медузы, актинии, скаты, даже некоторые простейшие (динофлагелляты), – способны вызвать у пловца ожоги, затруднение дыхания и паралич конечностей, что на глубине равносильно гибели. Из обитателей суши наиболее опасны змеи. Королевская кобра уносит только в Индии 10 000 жизней ежегодно. Укус Черной мамбы приводит к смерти всего за полторы минуты. А самое ядовитое позвоночное на земле – лягушка-древолаз. Микроскопической дозы ее яда достаточно, чтобы убить ягуара.

Вообще, в рейтинге наиболее популярных ядов лидируют цианистый калий, мышьяк, змеиный яд и алкалоиды мухомора. Однако научные данные этот рейтинг опровергают.

По мнению современных ученых, в последнее время все большую злободневность обретают членистоногие...

Он работал всю весну и начало лета. К зачетному сроку диплом был написан и сдан. Я невольно прониклась к нему

уважением, так подробно он все осветил.

Единственное, о чем он умолчал почему-то – о яде скорпионьего жала.

За наш диплом я получила «отлично». Высшее мое образование было окончено. Дальше простиралась неясная взрослая жизнь.

Тут я задумалась: а что, собственно, дальше?

Годом раньше университет закончил мой муж. Теперь вот работает, пишет диссертацию по своим скорпионам. Глядишь, со временем станет профессором. Почему бы и нет. Похоже, смысл жизни он нашел в уходе в работу. А я?

В принципе, он у меня хороший. Хоть и подлец. Но при правильном обращении – домашний, покладистый, и если нажать, безотказный. Конечно, он никогда не заменит мне Макса. Да так уж распорядилась судьба, чтобы Макс надолго исчез.

А может быть, всё и к лучшему?

В общем, передумала я кончать жизнь. Как и прежде, смысла не видела, но интуицией чувствовала: смысл есть, у каждого человека свой, не может его, смысла, не быть, надо только найти его, осознать, назвать правильным словом.

На исходе лета я с ним об этом заговорила. Мне казалось, он знает ответ. Как-никак, такой умный. Мы близкие люди, одолели нелегкий период. Что нас ожидает в дальнейшем?

Он задумался, глядя в окно. И медленно произнес:

– В жизни всего два периода: ожидание любви и ожидание смерти...

Вот, зануда! Ну почему он все видит в мрачных тонах? Как живет с таким мировосприятием? Как вообще существует в мире нормальных людей? Как лично мне, жизнелюбивой женщине, вместе с ним дальше быть?

Перед сном взяла полистать «Звезды судьбы». Посмотрела расклад для меня. Как всегда, ничего вразумительного: находиться в движении... видеть цель... не забывать, что я – женщина...

Ну а он? Что звезды могут посоветовать мне про него?..

СКОРПИОН не ведает полутонов. Для него существует только черное или белое. Крайности в оценках нередко приводят его к жестокому разочарованию, он концентрируется на отрицательном и отвергает всякую возможность позитивного взгляда. Несовершенство мира воспринимает как личную неудачу. Реагирует, правда, лишь на то, что задело его эмоции. Ко всему остальному, за пределом его чувственного восприятия, он равнодушен, бесстрастен и рассудочен до цинизма.

Есть такое понятие – «ситуации Скорпиона». Это любые пограничные состояния, когда срываются маски, обнажается истина, возврат к старому невозможен, и требуется осознание реального положения. Катастрофа, стихийное бедствие, гибель близкого человека, расставание с надеждой или вне-

запно возникший рубеж. В этих ситуациях Скорпион впадает в амок или транс, отрешается от несущественного и видит только действительно важное.

Скорпиону доступны глубинные тайны мироздания. Все, закрытое от других, он может понять и логически объяснить. Пришелец из водной стихии, он управляется властью Плутона, поэтому Скорпион одновременно и водный, и подземный житель. Он легко проникает в сакральную глубь явлений, видит невидимое, слышит неслышимое. Но знание его бездейственно, поскольку все устремления направлены внутрь себя.

Что до одиночества Скорпиона, то постичь всю его глубину способен только другой Скорпион...

Я задумалась. Одиночество... Бездейтельность... Умение видеть действительно важное... Находиться в движении... Видеть цель... Не забывать, что я – женщина... В жизни всего два периода...

И тут меня озарило:

– Есть! Есть третий период!

Он вздрогнул. Взглянул перепугано, недоверчиво... Я радостно выпалила:

– Ожидание ребенка!

Он туго соображал, моей радостью не воспламеняясь... Я пояснила:

– Ребенок! Это же так естественно! Между любовью и смертью у нас должен родиться ребенок!

Он смотрел. Словно видит впервые. Животная жуть. Остановившиеся глаза зверя, встреченного на тропинке. Словно я для него непонятный объект, и он стремительно принимает решение: атаковать или уносить ноги?

И вдруг улыбнулся...

В ту же ночь он меня полюбил. Наконец-то по-настоящему. Как давно я этого с ним не испытывала! Почти не надеялась. Из-за вторжения в его жизнь другой женщины у нас все разладилось. Когда у него там все кончилось, здесь он наладить не торопился. Просиживал над своей диссертацией далеко за полночь, чтобы я засыпала, его не дождавшись. Нашел искусственный повод избегать супружеских отношений. Я насквозь его видела, все понимала, но не навязывалась. Я и сама не была уверена, что хочу, готова хотеть этого с ним. А по весне началась работа над «Ядами». Она нас и сблизила. И однажды это впервые между нами снова случилось. Потом еще и еще. Постепенно наладилось, вошло в регулярность. Я даже начала, против воли, получать удовольствие. Но не до конца, не до потери сознания. То был лишь секс. Теперь же, когда мы приняли с ним решение стать вместе осознанно, ради будущего, навсегда, я почувствовала, что он снова ко мне вернулся, снова мой, ни с кем не делимый, мой Сладкий. Ребенок, ну конечно, это естественно. Всякая женщина должна в своей жизни родить новую жизнь. В этом и смысл, и необходимость быть вместе с мужчиной, слиться без опасений, безоглядно, в высшей точке любви. Она приближа-

лась. Толчками, наплывами, быстрыми, жгучими, яростными. Она разбухала, горела, переполняла дикой энергией. Я испытывала пробуждение во мне неистовой силы, беспредельной возможности втянуть в себя целый мир, всю вселенную – и, теряя себя, содрогаясь, я втягивала...

Я лежала и слушала, как бьется в груди удовлетворенная кровь: я это сделала. Я сделала это. С ним, от него. Новая жизнь.

А на самом краю сознания в этот миг трепыхалось сомнение: что же я делаю? Что я наделала? Без него. Ведь Макс жив.

Осенью почувствовала себя нездоровой.

Сначала потускнели все краски жизни. Потом изменился вкус пищи. Потом стошнило и продолжило регулярно тошнить. Обратилась к врачу.

Диагноз был однозначным – беременность.

Разумеется, обрадовалась. Именно этого я и ждала. Ведь я дома сидела, о работе не помышляя. Теперь безделье нашло оправдание. Диплом специалиста можно задвинуть в самый долгий законный ящик.

Но почему-то сквозь радость начала просачиваться тоска.

Наверное, из-за мужа. Как-то он не очень мне сопереживал. Уйдет в зоопарк, а дома трава не расти. Вечером поужинает, и сразу спать. А если не сразу, то сядет писать диссертацию. А если не пишет, читает книжку.

Похоже, я его не интересовала. Хуже того, как женщина перестала нравиться.

Я и сама себе не нравилась. Волосы стали паклей, ногти крошились. Лицо обесцветилось, черты огрубели, глаза утратили блеск. Тело разбухло, как у утопленницы. Что уж о животе говорить: он превратился в бурдюк, налившийся тугой тяжестью, которая к исходу зимы все чаще изнутри взбрыкивала.

Во мне зрела новая жизнь. Но вместе с ней и что-то дру-

гое. Никогда я не чувствовала себя такой брошенной, одинокой. Никто не мог разделить моего положения. В этом был неявный обман, тем более коварный и неподлежащий обжалованию, что я добровольно приняла роль, вдруг осознанную как ловушку.

Особенно остро я почувствовала это весной.

Именно тогда, весной 94-го, вышел первый номер журнала «Astrus».

Я гуляла одна, когда увидела в киоске яркое чудо. Таких у нас раньше не было. Название интриговало чем-то цветочным и звездным. На обложке – фотомоделль. О чем бы там ни писалось, ясно одно: это журнал для женщин.

Я не ошиблась. Мода и стиль. Шикарные фотографии. То, что мне нравилось, никакого занудства. Наглядно и емко. Я полистала, любуясь чарующим глянцем.

И тут мне попалась статья: «Эсти Лаудер. Женщина, сделавшая себя сама»...

Жизнь чудесна. Все это знают, но каждый понимает по-своему. Одни живут созерцательно, находя крохи радости в малом. Другие пассивно ждут, когда на тарелочку падет манна небесная. Третьи упиваются безысходностью в саркастическом убеждении, что чудес не бывает.

Эсти Лаудер создала чудо из ничего – империю косметики из мечты.

Не имея ни денег, ни опыта, ни технических знаний, вооруженная лишь мечтой и неукротимым стремлением к цели, она построила величайшую частную косметическую компанию. Она это сделала благодаря энергии собственной воли.

К началу 90-х Эсти Лаудер – это треть рынка косметики в США. Доходы компании превышают 2 млрд. \$ в год. По версии журнала «Fortune» личный капитал Эсти составляет 5,2 млрд. \$, что выводит ее в первый ряд богатейших женщин мира. Она владеет небоскребом в Манхеттене, квартирой в Лондоне, виллой в Сент-Жан-Кап-Ферре и райским местечком в Палм-бич. На социальной лестнице стоит вровень с Нэнси Рейган, герцогиней Виндзорской, принцессой Грейс, Бегум Ага Хан. Носит титул «Королева косметики», входит в список «100 лучших американских предпринимательниц», и от правительства Франции награждена орденом Почетного легиона.

Ее успех наглядно доказывает: мы становимся тем, чем желаем казаться, и получаем желаемое хотя бы потому, что начинаем соответствовать образу.

А все начиналось с квартала иммигрантов в Куинсе, Нью-Йорк, где в 1908 году родилась девочка Эсти. Она была младшей из девяти детей. Ее отец держал скобяную лавку. Своего происхождения Эсти очень стыдилась. Ей хотелось быть «стопроцентной американкой» и жить на Манхеттене. Она мечтала о славе актрисы, цветах и поклонниках. Но пока приходилось помогать в лавке отца, исподволь получая пер-

вый опыт торговли.

Ей было шесть лет, когда в семье появился дядя Джон Скотс. Шла Первая мировая война. Дядя был химиком. Он разработал собственную формулу крема для кожи и преподавал Эсти первые уроки косметики. Как пишет Эсти, «Благодаря дяде Джону я увидела свое предназначение... Как за- гипнотизированная я наблюдала и училась... Он меня понимал. Более того, творил чудеса...».

Когда Эсти окончила школу, за ней начал ухаживать Джо Лаутер. В 1930-м они поженились. Джо работал бухгалтером, а Эсти продавала кремы для кожи. В 1933-м родился сын Леонард.

В том же году зарегистрирована компания «Lauter Chemists».

Что любопытно, самое важное для успеха Эсти взяла от мужчин: отец научил рассчитывать только на себя, дядя привил увлечение косметическим делом, муж дал фамилию, которая после легкой коррекции звучности стала тем самым величественным «Лаудер».

А дальше она – сама.

В эпоху Великой Депрессии Эсти начала продавать кремы в нижнем Манхеттене. Устраивала демонстрации в салонах, гостиницах, метро, частных домах и просто на улицах. Она проповедовала власть красоты любому, кто ее слушал. Страна пребывала в унынии, а Эсти несла людям мечту, говоря: «Не следует недооценивать желание каждой женщины быть

прекрасной».

Она придумала удачный ход – «при покупке сувенирчик бесплатно». На фоне обнищания граждан такой довесок действительно впечатлял. Грошовая щедрость стала ее фирменной «фишкой», которая со временем вернулась многомиллионными дивидендами. Нимало не смущаясь, она прибегла и к фальсификации, назвав банальный крем «Суперобогащенным кремом на все случаи жизни». Лукавство на пользу дела она считала имиджевой тактикой и не боялась рисковать, часто повторяя: «Риск – залог успеха».

Осознав, что для преуспевания важен правильный имидж, Эсти стала изображать светскую женщину. Одевалась, как и ее элитные покупатели, перенимала манеры. Вскоре убедилась, что «доверительные отношения порождают красоту». Иными словами, научилась из красоты делать деньги.

Ее муж занимался внутренними вопросами компании, оставаясь на подсобных ролях. Блестящая Эсти все больше от него отрывалась. Единственное, что ее волновало, это «красота в баночке с кремом». Все остальное превращалось в докучливый фон.

Их брак развалился в 1939 году. 1 апреля Эсти подала на развод. Забрав шестилетнего сына, она переехала в Майя-ми-Бич, где обосновалась в роскошном отеле «Roney Plaza».

Мир стоял накануне Второй мировой войны...

От чтения меня оторвала продавщица: или я покупаю, или

кладу обратно журнал. Цена немного кусалась. Но уж больно хотелось дочитать до конца. Я расплатилась, зажала журнал под мышкой и пошла дочитывать дома.

Эта история меня взволновала. И одновременно, утешила. Мое положение уже не виделось безысходной ловушкой. Я шла, улыбаясь, размышляя о далекой успешной женщине, которая сумела сделать себя сама.

Сладкий был дома. Вернулся с работы раньше, чем я с прогулки. Когда я вошла, он стоял у плиты и с мрачным видом кипятил для пельменей воду. Метнул взгляд. Увидел журнал. Взял, повертел. Похмурился да поморщился. И даже не полистав, выдал мне заключение:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.